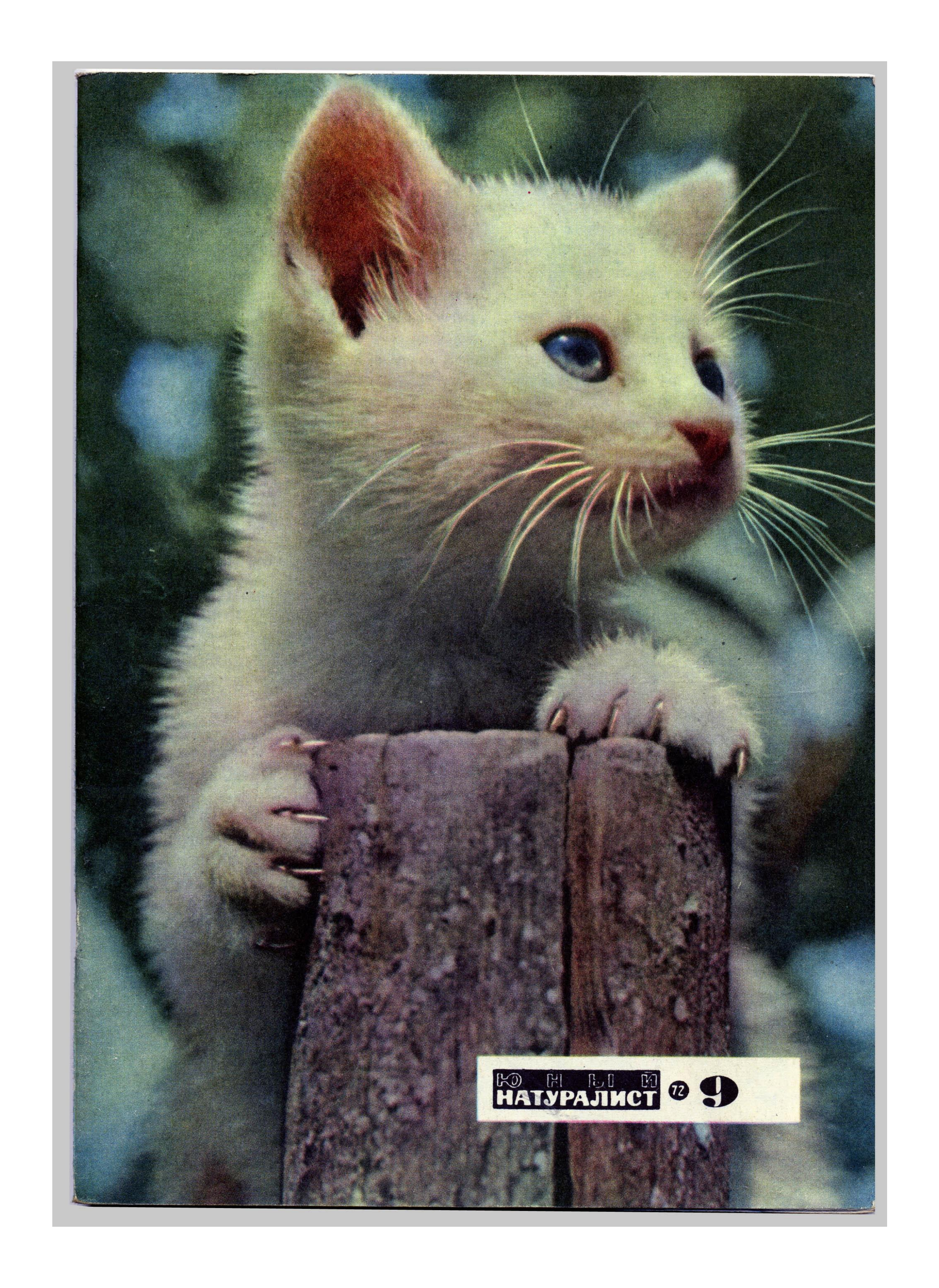

ЮНЫЙ
НАТУРАЛИСТ 72 9

«БРИЛЛИАНТОВАЯ РОСА».

Фото Б. Цимакуридзе

ОТКРОЙ В СЕБЕ КУДЕСНИКА

Если останавливается вдруг человек, завороженный деловой суетой муравейника, или, затаив дыхание, любуется изящной грациозностью замершей в редколесье косули, значит, он из тех, кого очаровала, пленила вечно живая природа наша. Сделала своим благородным рыцарем.

И в плавном скольжении речной водомерки, и в тихом шелесте пшеничных колосьев, в зазывном токовании глухаря — грань за гранью открывает для себя человек красу природы. А сколько их, таких граней, связанных в бесконечную цепочку жизни! Тут уж только успевай смотреть в оба да запоминать и записывать.

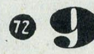
Кудесниками называют порой подобных людей. Говорят о них почтительно, наделяя особым чутьем и проницательностью. Куда, мол, нам, простым смертным, тягаться с ними, не всякому дано узнавать по голосу птиц и читать запутанную вязь следов на снегу.

Так ли это? По-моему, совсем не так. В каждом из нас живет кудесник. Надо только разбудить его, и чем раньше, тем лучше. Ведь познание начинается с удивления, а первые впечатления детства, чистые и светлые, остаются на долгие годы, накрепко врезаясь в память.

Вспоминаю себя в пору мальчишества. Сибирский городок Минусинск, протоки и плесы могучего Енисея.

«Айда на острова!» Два раза приглашать никого не приходилось. Шестеро ребят с нашей улицы — «головной дозор», как

9

Научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Журнал основан в 1928 году.

нас называли, — все время жили ожиданием таких походов.

«Айда на острова!» Это значило: прихвати с собой ломоть хлеба, бутылку молока — и к лодке. Вот они, енисейские острова!

Густые заросли ивняка, пружинящий ковер хвойного бора, всплеск рыбин в небольших озерцах. Здесь становились мы «робинзонами», здесь приходили первые открытия.

Медуница, оказывается, могла «играть в прятки» — быть то розовой, то фиолетовой, то синей. Маленькие пичужки, завидев хищника, смело вступали в бой, отгоняя его от своих гнезд. С зеленых сосен проливался вдруг «серный дождь».

Поражала сила ракушки-беззубки, створки которой невозможно было раскрыть. Удивлял походный строй мальков, словно по команде разом разворачивавшихся в любую сторону. Трудно было не залюбоваться оранжевыми бубенцами веселых жарков.

Новые походы — новые познания. Вскоре мы уже учили других ребят, своих одноклассников, водили их заветными тропами.

Нет, не все из нашей шестерки связали впоследствии свою судьбу с биологией, но каждого эти встречи с природой сделали щедрее, богаче.

Когда я бываю в Минусинске, обязательно захожу к Гене Костромину. Теперь он инженер, работает на заводе. Но с какой гордостью показывает свои цветы! И мне приятна эта его гордость, счастливая одержимость. Значит, живет, не угас еще в нем огонь доброго кудесника.

А он, этот святой огонь поиска и познания, и вправду горит долго, горит вечно.

Недавно на нашей юннатской станции стал я невольным свидетелем горячего спора. Девочки-экскурсантки, которых много бывает у нас в гостях, не могли определить цветы.

— Да это ж купавки! — запальчиво говорили одни.

— Так те желтые, а здесь оранжевые, и куст весь цветами усыпан, — убежденно возражали другие.

Пришлось объяснить, что перед ними азиатские купальницы, или, по-сибирски, жарки. Сегодня цветы эти нередко встретишь в московских дворах, парках, скверах. И все они вышли отсюда, с коллекционного участка.

Когда-то рос здесь один-единственный кустик. Прислали его с енисейских берегов. Что станет с ним, загорятся ли яркие огоньки, никто точно предсказать не мог. И жарки загорелись.

Я был уверен в этом, не признавался только, как дороги мне сибирские новоселы. В них и ширь бескрайняя, и крик чаек над водой, и смолистый запах высоких сосен — словом, мое детство.

Возможно, некоторые возразят: «Хорошо, конечно, если есть поблизости заветные острова или леса непроходимые. А как быть ребятам, которые живут в больших городах?»

Что ж, послушайте еще одну историю.

Началась она в 1948 году. Тогда группа московских юннатов побывала на родине Ивана Владимировича Мичурина. А не попытаться ли вырастить в Москве абрикосы? Из главного сада страны привезли ребята двадцать косточек сорта Товарищ. Сначала удалось вырастить только четыре деревца. Два из них погибли, остальные дали плоды.

Что это были за абрикосы! Кислые, маленькие, будто лесные орехи. Отобрали самые лучшие, вновь высадили в землю. Был второй урожай, затем третий, четвертый. А в 1964 году юннаты заложили уже целую плантацию — около ста деревьев. Она и сейчас одевается по весне в бело-розовое облако цветения, а прошлой осенью дала рекордный урожай. С некоторых деревьев собрали ребята по 40 килограммов сочных плодов. Теперь Московский юннат, такое название получил наш абрикос, пожалуй, не уступит по вкусу своим южным собратьям.

Не одно поколение юннатов ухаживало за деревьями. Взрослели, уходили в большую жизнь одни, на их место заступали другие. И все они были настоящими кудесниками. Приходите взглянуть на наш уникальный сад — и вы убедитесь в этом.

Наивный, быть может, восторг школьника, удачно проведшего первый опыт на кро-

хотной делянке, сродни солидной радости ученого, сделавшего большое открытие. В основе и тут и там творчество, успешное завершение поиска.

Много лет назад занимался в кружке цветоводов четвероклассник Андрюша Громов. Он был не из тех, кому надоедает копаться в земле, возиться с семенами и рассадой. Увлекался этот мальчик ирисами, закончил успешно «юннатские университеты» — и присох, привязался к цветам. Ныне Андрей Николаевич Громов работает в Научно-исследовательском институте овощного хозяйства, выводит новые сорта гладиолусов. А его книга о селекции сирени известна всем цветоводам страны. И я уверен, что одинаково дороги ученому как теперешние красавцы гладиолусы, так и те скромные ирисы, которые разбудили в нем искателя.

Не правда ли, много путей ведут к одной цели? Неважно, растишь ли ты пшеницу на школьном поле, составляешь ли очередную фенологическую сводку для своего календаря, устраиваешь ли пернатым друзьям кормушки, — если сильна в тебе жажда познания, неутолима любознательность, значит, первый шаг уже сделан.

Самый большой праздник для меня — слет юных натуралистов. Смотришь на ребят в пионерских галстуках, сосредоточенных, внимательных, и лишний раз убеждаешься, как много у нас верных рыцарей родной природы.

Иногда трудно бывает представить ту или иную цифру, с чем-то соразмерить ее. Одиннадцать миллионов школьников России состоят в обществе охраны природы. Какая огромная это сила!

Три с половиной тысячи школьных лесничеств создано сейчас в республике. Только за последние десять лет юные друзья природы сделали и развесили 20 миллионов искусственных гнездовий, заложили тысячи гектаров молодых посадок. А сколько деревьев, цветов, кустарников высажено на улицах сел, городов и поселков! Тут уж счет пойдет на десятки и сотни миллионов!

Как не порадоваться за ребят из школьного лесничества «Тополек», которые в засушливом Заволжье успешно выращивают саженцы сосны для защитных лесополос! Или за учащихся Корсунской восьмилетней школы Орловской области, остановивших грозное наступление оврагов на двухстах с лишним гектарах. За юных лесоводов Добринской средней школы Волгоградской области. Шуточное ли дело, расселить двести отводков муравейников, да так умело, чтобы все лесные санитары прижились на новых местах.

Что-то символическое есть в том, что сегодня привычными, обыденными стали для нас такие понятия, как юный лесничий, юный селекционер, юный полевод. Не вызывают больше недоумения необычные когда-то словосочетания «голубой патруль» и «зеленый дозор». Так сильно выросла армия неугомонных, любознательных и пытливых, носящих гордое имя «юннат». Они сделали свой первый шаг в волшебную страну познания. Пусть же каждый из них сумеет открыть в себе кудесника!

В добрый путь, дорогие юные друзья!

В. ПОНОМАРЕВ,
директор Центральной станции юннатов РСФСР

Школа, здравствуй! Красногалстучная пионерия идет на новую встречу с тобой радостная, загорелая, окрепшая! Принимай наши подарки, школа!

Полны удивительными находками походные рюкзаки, интересными открытиями — дневники полевых наблюдений. А сколько доброго сделано трудолюбивыми пионерскими руками!

Пионерский парад союзных республик, посвященный 50-летию образования СССР, продолжается. Сегодня наш рассказ — о пионерах Литвы.

Чтобы лось не простудился

Чеканная дубовая ветвь и пара желудей — такова эмблема юных друзей природы 6-й средней школы Каунаса. Городской парк, над которым шефствуют ребята, называется «Ажолинас». По-литовски это значит «дубки». Нетрудно догадаться, какая порода деревьев преобладает в этом парке. Хотя растут в нем каштаны и липы, клены и березы, могучие раскидистые дубы — главная его достопримечательность и краса.

Горожанин «Ажолинас» — младший брат пригородного Дубравского леса. Есть в школе карта, вся составленная из зеленых тонов. Это карта Дубравского леса. Ребята составили ее совместно с учеными Каунасского зоологического музея. Треугольники, кружки, крестики — непонятными для непосвященного взгляда значками испещрены зеленые квадраты лесных делянок. Но в каждом таком значке заложено доброе дело. Мало смастерить скворечник, дуплянку, кормушку. Где лучше повесить, куда поставить их, чтобы польза для лесного населения была наибольшая? Распределением жилплощади и лесных столовых ведает «Штаб зеленого патруля». В первую очередь принимаются во внимание фенологические наблюдения.

Отсутствие на лесном гектаре муравейника — сигнал опасности! Здесь на помощь зеленому другу должны прийти птицы. Срочно вывешивай дуплянки и скворечники!

Не зря стучали молотки, не напрасно вилась стружка под рубанками. По весне ребята развесили в Дубравском лесу 650 птичьих домиков, а к зиме поставили на звериных тропах десятки кормушек для зайцев, серн, пятнистых оленей. По опушкам встали неприметные шалашики для куропаток. И все это в самых нужных местах. Что же касается солонцов, то здесь необходима особая осторожность. Поблизости непременно должен быть незамерзающий родник или ручеек. Иначе лось или олень, нализавшись соли, начнет хватать снег. А заболеть воспалением легких могут и они.

Так и живут, становятся зеленей год от года под внимательным пионерским присмотром зеленые братья — «Ажолинас» и Дубравский лес.

Вершок-целитель, корешок-строитель

Подорожник, мать-и-мачеха, тысячелистник. Все мы знаем их, часто топчем ногой. Но вот почитайте:

«Подорожник. Обе его формы—широколистный и узколистный—подходят для озеленения подверженных эрозии площадей. Место обитания — супесчаные и суглинистые почвы. Лучше всего произрастает на склонах, покатость которых 20°, но можно возделывать на склонах любой крутизны. Может расти также на кислых неплодородных почвах. В лечебных целях используются листья и вся трава.

Мать-и-мачеха. Практическую пользу дают листья. Подходит для озеленения очень крутых склонов. Цветет ранней весной, цветы содержат большое количество нектара».

Строки эти взяты не из определителя лекарственных трав, а из рабочего дневника необычного пионерского лагеря-экспедиции. Есть в Литве экспериментальный Гердашский совхоз по разведению лекарственных растений. Каждое лето съезжаются сюда юные охотники за целебными травами. Идет семинар. Ребята слушают лекции ученых, собирают гербарии, изучают полезные свойства растений.

Но заметили ли вы, что в характеристике каждой травки упоминается то склон, покатость которого 20 градусов, то склон любой крутизны? Зачем это? Литва холмиста. Порой овраги врезаются в плодородные земли, начинается эрозия. Тут-то лекарственные травы и могут принести двойную пользу, листья и цветы их целительны, корни же скрепляют почву, препятствуют ее разрушению, строят плодородный слой.

Лагерь-экспедиция готовит инструкторов-ботаников. Разъедутся ребята по своим районам, привезут в школы новые знания. И тогда — остановись, овраг! Идет на помощь всемогущая трава: вершок-целитель, корешок-строитель.

Леса Лабанорские заповедные

Хорошо жить рядом с заповедником! Привольно и интересно. Сколько занятного и интересного увидишь! Ребята, что живут возле Лабанорского заповедника, завзятые лесовики и следопыты. Прекрасно разбираются в повадках кабанов, лосей и косуль, наперечет знают пернатых обитателей леса: глухарей, куропаток, уток. Но любовь к природе не должна быть созерцательной. И ребята действуют.

Заснежит декабрь — и распахнут двери лесные столовые. Их в заповеднике несколько десятков. Меню обширное, выбор богатый — на любой вкус. После капусты и моркови нет для зайца ничего слаще березового веника. Косули льнут к сенным стожкам. Лось лакомится горькой осиновой веткой. Кабан запаслив: не под силу съесть всю картошку, так остатки в снег закопает, чтоб не померзла.

Весной прилетают аисты. Раньше их не было здесь. Теперь поселились. И не взлетают в страхе с гнезда, когда проходит мимо маленький человек в красном галстуке — юный хозяин заповедного леса.

Пятая четверть. Так назвали пионеры работу в летних лагерях труда и отдыха. Таких в республике 253. Шесть тысяч ребят занимались в них овощеводством, выращивали цветы, заготавливали корма, трудились в плодопитомниках.

Почти восемьдесят тысяч учеников работают в Литве на колхозных и совхозных полях в составе 2640 школьных производственных бригад.

Давняя дружба связывает пионеров Каунаса с учеными. Кружок юных цветоводов работает при каунасском Ботаническом саде Академии наук Литовской ССР. Ребята занимаются селекцией тюльпанов, нарциссов, гиацинтов. Ученые Сельскохозяйственной академии Литовской ССР руководят работой юных микробиологов. Юные орнитологи и зоологи занимаются при Каунасском зоомузее. Летом вместе с учеными они выезжают на полевые работы на мыс Вентес-Рагас — центр кольцевания птиц.

Сорок тонн лекарственных трав и растений собрали школьники Литвы минувшим летом.

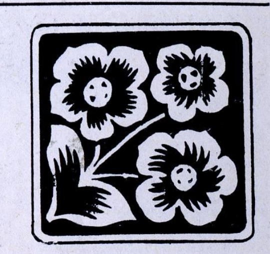
Литва славна своими парками. Пионеры хранят и приумножают их красу. Двадцать три тысячи литовских школьников носят на руке повязку «зеленых патрулей».

Вот и прозвенел в новом учебном году первый школьный звонок. Все отряды «Белой березы» опять в сборе, готовы выполнять следующие задания. Правда, и в каникулы, в веселую звонкую пору, не забывали ребята своих зеленых питомцев. Душистый аромат трав дарили им лесные поляны, эти замечательные кладовые целебных растений, сумрачные ельники и белоствольные березняки наполняли грибами и ягодами берестяные кузова и лукошки, переливчатыми птичьими трелями встречали дубравы и перелески. Он ведь всегда щедр и приветлив, наш лес, а рачительным и бережливым хозяевам щедр вдвойне.

Есть о чем рассказать участникам нашего конкурса. Что ж, предоставляем им слово.

МАЙСКИЙ ПОДАРОК ДЕДУ МОРОЗУ

Ох как прибавляется хлопот «зеленому патрулю» перед Новым годом! Не один раз приходится каждому из нас выходить в дозор на охрану пушистых елочек. Но разве уследишь за всеми любителями предновогодних лесных прогулок? Нет-нет да и недосчитаешься в хвойном бору нескольких зеленых красавиц. Многие ведь как рассуждают: «Лес большой — надолго хватит. Подумаешь, срубил всего одну елку».

А нам обидно. Мы стараемся пополнить лес новыми посадками. В питомнике выращиваем и акацию, и калину, и боярышник. А тут такое... Нынешней весной решили мы создать школу новогодних елочек. Пока подрастают здесь 300 деревцев. Это наш майский подарок Деду Морозу. Пусть наряжают дети в праздник наши стройные елочки. Всем хватит. Не надо будет выходить нам в дозор перед Новым годом. За хвойные боры будем мы совершенно спокойны.

пос. Новки
Владимирской области **ШКОЛЬНОЕ ЛЕСНИЧЕСТВО**

ПРОПАВШИЙ ЗАЯЦ

Нашим походом по снежной тропе руководил Вадим Вадимович Тяжелов. Вместе составили мы маршрут, предварительно согласовав его с Железногорским лесхозом. Потом дождались метели, и через два дня наш отряд отправился в путь.

Сначала встретили следы горностая. По мелким цепочкам других следов догадались, что проворный хищник охотился на мышей. А потом белки нам задали задачку. Еще раньше в живом уголке учились мы различать их следы. Насыпали в вольеры снег и зарисовывали отпечатки. Но в лесу попадались нам только еловые шишки с типично беличьим погрызом, но следов почему-то не было. Все же отыскали и следы. Оказалось, в обследуемом квадрате живут два пушистых зверька.

Возле каменистых россыпей нам попался, наконец, и след соболя. Судя по тропке, соболь куда-то выходил, а потом вернулся назад.

Очень хотелось всем ребятам встретить «визитную карточку» зайца. Но, сколько ни смотрели, нет его следов. Вадим Вадимович утешал нас: должны быть в лесу зайцы. И вот он, след! Только странный какой-то. Заяц вышел из нашего квадрата и пропал. Куда же он запропастился? Пошли по следу — и все стало ясно. Косой просто отправился обедать в осиновые посадки.

Немного лесных обитателей удалось нанести нам на карту. Видимо, близость города отпугивает зверей. Вот и уходят они в глубь леса, подальше от человеческого жилья.

г. Железногорск
Иркутской области **СВЕТА ШЕХУРДИНА**

РАСТИ КРЕПКИМ, КЕДР

Все знают, как медленно растет кедр. Но зато красивее дерева трудно отыскать. Так думают все наши ребята. Вот почему решили мы заложить питомник хвойного великана.

Участок выбрали в школьном саду. Здесь вокруг растут березы — забора никакого не надо. Сначала распахали землю, потом сделали грядки, проложили поперек участка поливные бороздки. 23 апреля посеяли семена, коричневые орешки, которые получили в Тудо-Вакском лесничестве.

Первые робкие всходы появились в мае. Вот уж когда прибавилось хлопот. Укрывали грядки решетками, чтобы не поклевали птицы нежные ростки, пропалывали, поливали. Почти все всходы удалось нам сохранить. Пусть теперь мужают, крепнут будущие зеленые великаны.

Кроме закладки питомника, посадили ребята на улицах села и в школьном дендрарии больше 800 молодых деревьев. Здесь и черемуха, элеутерокок, и маньчжурский орех, и амурский бархат. Конечно, много придется потрудиться, пока все деревья станут большими, но это нас не пугает, а радует. Будем расти мы, а вместе с нами будут расти и крепнуть наши зеленые питомцы.

с. Любитовка
Приморского края **БОРИС КРИКУН**

ДЕНЬ ПТИЦ

Операцию «Синичник» приурочили мы к Дню птиц — первому юннатскому весеннему празднику. В школе выделили нам доски. После занятий в субботу мальчишки перевезли их на лошади в Казанское лесничество, где нам выделен участок. Там всех ждал уже Дмитрий Сергеевич Апаев. Это опытный лесничий, он всегда помогает нам выполнять задания «Белой березы».

На другое утро работа закипела. Дело нашлось каждому. Одни размеряли доски, другие готовили передние и задние стенки, третьи — бока и дно. Специальная бригада выпиливала летки, а девочки собирали скворечники и дуплянки. Как видите, целый конвейер получился. Может, поэтому за день управились мы с работой. 75 синичников и 5 скворечников сделал наш отряд.

На праздник пошли мы всем классом. Птичьи домики развесили в своем лесу, в парке поселка и на пришкольном участке.

Марийская АССР **СВЕТА РЫБАКОВА**

ЕСЛИ МАЛО СНЕГА

Самое сложное задание «Белой березы» — читать следы на снегу. Но «Снежная тропа» была для нас вдвойне трудной, потому что никакой тропы в лесу не было. Выпавший снег сразу смело в овраги и на закрайки, лес стоял всю зиму сумрачным, серым. Там, где можно было, мы сосчитали все следы, но этого оказалось мало для выполнения задания.

Тогда пошли наши ребята к местным лесникам за помощью. Припомнили и свои наблюдения прошлых лет. Постепенно установили мы приблизительное число четвероногих обитателей родного леса.

Больше всего живет у нас косуль — около 300 голов. Затем идут зайцы, лоси, белки, лисицы. Встречали мы следы куницы, а лесники сказали, что недавно выпустили они в лес десять енотовидных собак. Однажды возле оврага встретили ребята следы кабанов, а кто-то даже уверял, что знает, мол, где спит в берлоге медведь.

Все оказалось не так. Ни волки, ни кабаны, ни медведи в наших краях не прописаны. Только иногда забредают они сюда в поисках корма.

с. Косе-Ууэмыйза
Эстонской ССР **ОЛЕВ ТЕНСО**

ДЕРЕВЬЯ НА СКЛОНАХ

Донбасс. Скажешь это слово — и встают перед глазами высокие конусы терриконов, белые домики рабочих поселков и широкие степные просторы. Наш город тоже шахтерский. Раньше в округе мало было леса. Лишь по реке Лозовой встречались густые прибрежные заросли. А так действительно все степь да холмы, изрытые оврагами. Но школьники решили засадить склоны деревьями. Теперь все чаще увидишь в степи зеленые островки.

Мы тоже участвуем в этом добром деле. Летом вырываем в посадках бурьян, чтобы не мешал расти маленьким деревцам, осенью и зимой собираем и уничтожаем гнезда вредных гусениц, а весной высеваем по склонам оврагов семена деревьев и кустарников.

Скоро нам будет много легче. Мы устроили свой зеленый питомник, в котором уже окрепли первые всходы. Пройдет год, и молодые саженцы переселятся на новые места: в степь и на склоны оврагов.

г. Брянка
Ворошиловградской области **СЕРГЕЙ ЕЛИСЕЕВ**

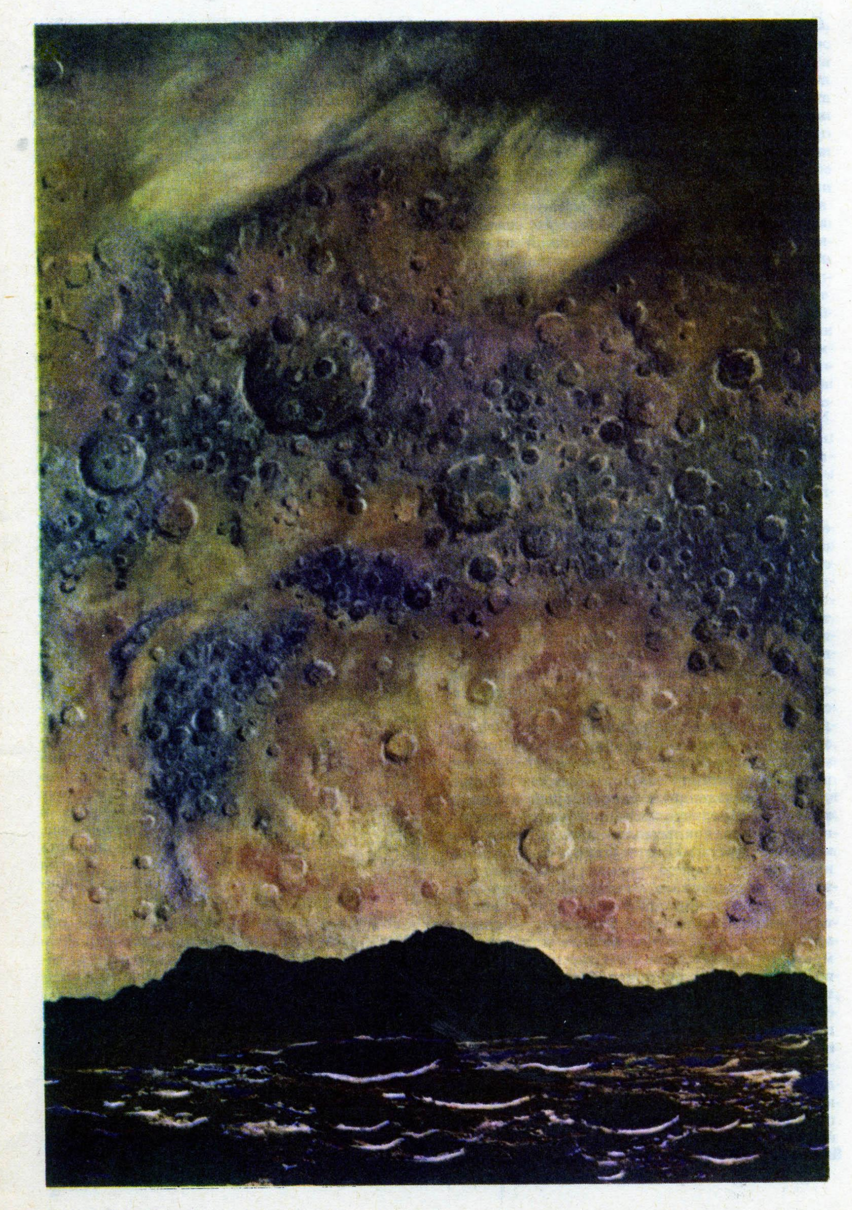
ЗАГАДОЧНЫЙ МАРС

Более шести месяцев советские небесные бригантины безмолвно плыли в межпланетном космическом океане между орбитами Земли и Марса, держа курс к интересной и удивительной красной планете. Распластав, словно паруса, свои многометровые крылья, автоматические станции «Марс-2» и «Марс-3» весь свой огромный путь прошли перед незаходящим Солнцем. Солнце щедро отдавало свою живительную энергию посланцам Земли. Подставив свое мозаичное зеркало, увенчанное полупроводниковой системой солнечных элементов, слепящим лучам нашей звезды, автоматический аппарат сам добывал себе амперы, черпая их непосредственно из фотонов солнечного света.

Наше дневное светило в то же время было и путеводной звездой. По Солнцу, Земле и наиболее ярким звездам — Сириусу и Канопусу земные разведчики ориентировались в просторах космоса.

Выдержав с высокой степенью точности расписание движения на гигантской космической трассе, автоматические аппараты друг за другом достигли цели своего путешествия. На фиолетовом небосклоне Марса вспыхнули трепетные звездочки. Семейство марсианских «Лун» возросло до пяти. Вместе с советскими автоматическими станциями по марсианской орбите летает американский космический аппарат «Маринер-9».

На поверхность красной планеты станция «Марс-2» доставила капсулу с вымпелом, на котором изображен герб Страны

Советов. На нем в две строки надпись: «Земля — Марс. СССР. 1971 г.».

Другой автоматический разведчик, отделившийся при подлете к планете от межпланетной станции «Марс-3», впервые в истории космонавтики плавно опустился на неведомую марсианскую «землю» и дал об этом весточку ученым-землянам.

Достигнув неведомых берегов волшебной планеты, космические каравеллы легли в затяжной дрейф. Много месяцев земные аппараты «Марс-2» и «Марс-3», находясь во власти сил тяготения чужой планеты, кружат возле марсианского шара.

Более полугода неутомимые космические труженики вели свой научный поиск в небе Марса. Автоматические станции щедро оснащены уникальными научными приборами, с помощью которых велись всесторонние исследования поверхности планеты, изучалась структура и динамика марсианской атмосферы, познавалось окружающее Марс пространство. Космические фотографы запечатлели лик далекой планеты.

Короче говоря, исследования Марса вступили в новый этап.

Когда астрономы впервые нацелили объективы своих зрительных труб на Марс, они были потрясены неожиданным сходством соседнего небесного тела с родной планетой.

Бурный этап в изучении красной планеты наступил в начале 60-х годов нашего века. На помощь астрономам пришла новая наука — радиоастрономия. Используя мощные радиотелескопы, радиолокационные средства, а также инфракрасные и стереоскопические методы, ученые намного продвинулись вперед в познании Марса. Но те открытия, которые удалось сделать с помощью космических аппаратов, буквально потрясли прежние представления о Марсе.

При наблюдении в современный телескоп хорошо видно, что большая часть поверхности Марса покрыта пятнами желтого или красного цвета. Эти красноватые «пустыни» еще в далекие времена получили название материков, а отчетливо различимые на их фоне узоры из темных пятен когда-то ошибочно назвали морями. Окраска марсианских «морей» изменяется в зависимости от времен года. Вблизи полюсов резко вырисовываются яркие белые шапки, которые осенью и зимой сильно разрастаются, а весной и летом уменьшаются в своих размерах, как бы тают. Причем южная шапка вследствие более жаркого лета исчезает даже целиком. Долгое время многие думали, что полярные шапки тают весной, и освободившаяся вода стекает к экватору по низинам, оживляя растительность. Темные пятна приобретают зеленую окраску, очень похожую на цвет земных растений. Из этого следует, указывали ученые, что на Марсе есть вода и атмосфера.

Особый интерес вызывали знаменитые марсианские каналы — множество таинственных, геометрически правильных линий, разрезающих материки из конца в конец. Темные линии тянутся на многие сотни километров и разбегаются во всех направлениях.

Первые фотографии, переданные на Землю космическими аппаратами, показали, что Марс удивительно похож на Луну, что лик нашего небесного соседа столь же пустынен и однообразен, как и ландшафт извечной спутницы Земли. Поверхность Марса испещрена кратерами всевозможных размеров, форм, возрастов. Этот факт вызвал немалое удивление среди ученых. Как это, однако, ни странно, но до этого марсианскую поверхность считали идеально ровной и гладкой, подобно бильярдному шару. Никому не приходило в голову, что на Марсе могут быть кратеры, хотя всем было известно, что между Марсом и Юпитером простирается пояс астероидов и небесные «камни» могли бомбардировать поверхность планеты.

В некоторых кратерах можно различить осыпи и террасы, дно у многих плоское, склоны пологие, а края сильно сглажены. Все это, по-видимому, результат ветровой эрозии. Большой интерес при наблюдении в телескопы вызывало появление в безоблачном и холодном покрывале Марса желтых облаков. Ученые пришли к выводу, что перемещающиеся со скоростью ветра оранжевые облака есть не что иное, как результат пылевых бурь на Марсе. Так это и оказалось. Во второй половине сентября 1971 года, в дни великого противостояния Марса, на планете разразилась невиданной силы пылевая буря. Скорость ветра в прилегающих к поверхности слоях атмосферы достигла ста и более метров в секунду, то есть 360 километров в час. А это больше, чем крейсерская скорость пассажирского лайнера ИЛ-14. Ураган охватил почти всю планету. Только к концу декабря он несколько ослаб.

Но чем больше мы узнаем о Марсе, тем больше загадок природа ставит перед учеными. На Луне кратеры встречаются повсеместно, а на Марсе есть области, совершенно лишенные кратерных образований. Так, например, в знаменитой пустыне Хеллас, гладкой и ровной, как стекло, поперечник которой достигает 1500 километров, пока не обнаружено ни одного кратера. В чем дело? И опять ученые мучаются в догадках.

К какому же типу относятся породы, слагающие поверхностный слой грунта? По оценке ученых верхний покров состоит из силикатных пород, покрытых тонким слоем мельчайших порошкообразных частиц — окислов железа.

Сила тяготения Марса слишком мала, чтобы удержать толстый слой атмосферы. Поэтому атмосфера планеты крайне разреженная, слабая, уступающая земной по плотности в двести раз. Среднее давление у поверхности планеты равно 5 миллибар (миллибар равен 0,75 миллиметра ртутного столба), в то время как на Земле оно в среднем 760 миллиметров ртутного столба (1013 миллибар). В земной атмосфере подобное давление встречается на высоте около 40 километров. При таком давлении вода закипает при температуре 10 градусов Цельсия. Атмосфера планеты состоит на 98 процентов из углекислого газа, имеется в небольших количествах окись углерода, атомарный водород и кислород. Содержание водяных паров мизерно — сотые доли процента.

Ученые полагают, что белые полярные шапки — наверняка замерзшая углекислота, или так называемый сухой лед.

А как же с загадочными марсианскими каналами? Жаркий спор относительно пресловутых каналов окончательно угас.

Теперь достоверно известно, что никаких каналов на Марсе нет, а то, что принималось за тонкую сеть темных линий, оказалось цепочками кратеров, протянувшихся хребтов и широких, слегка изогнутых кряжей, горных гряд, глубоких каньонов, а возможно, и глубинных разломов коры марсианской поверхности. Не исключено, что в образовании марсианского рельефа важную роль сыграла вулканическая деятельность. Весьма вероятно, вулканические процессы в недрах планеты и геологические новообразования еще не прекратились. По-видимому, на поверхности Марса никогда не было водяных потоков, изменяющих характер рельефа.

Условия на планете крайне суровы. 90—100 градусов — таков температурный перепад между днем и ночью в экваториальной зоне планеты. А у южной полярной шапки приборы зафиксировали минус 160 градусов по Цельсию.

Развеяна легенда об искусственном происхождении марсианских спутников. Оказалось, что возле марсианского шара проносятся по экваториальным орбитам не творения рук легендарных марсиан, а огромные каменистые глыбы очень неправильной формы. Так, Фобос, небольшое небесное тело, поперечник которого достигает 25 километров, напоминает уродливую картофелину. Это угловатый кусок породы с рваными краями и множеством выбоин. Его тело изранено метеоритами, видны оспинки кратеров, точь-в-точь похожие на лунные. Фобос — самое темное тело в солнечной системе. Если Луна отражает семь процентов солнечного света, то Фобос только шесть. Любопытно, что спутники Марса, как и Луна, всегда обращены к планете одной и той же стороной. Откуда эти бесформенные небесные куски породы появились у Марса? Не исключено, что Фобос и Деймос — бывшие астероиды или осколки более крупных астероидов, в свое время захваченные Марсом в «плен» и водворенные на современные орбиты.

С тех пор как Коперник доказал, что планеты — это родные сестры Земли, ученых не перестает волновать вопрос: есть ли на планетах какая-нибудь жизнь. Наиболее смелые предположения связывались с Марсом. Его высокоцивилизованные обитатели далеко обогнали в своем развитии землян, построили густую сеть исполинских ирригационных сооружений, опоясывающих всю планету, вывели на орбиты вокруг Марса гигантские спутники, марсианские корабли не однажды посещали нашу Землю. Таким грезился людям наш небесный сосед. Тщетными оказались надежды фантастов. Космические аппараты полностью разрушили вымысел, казавшийся правдоподобным.

Надежды найти жизнь на Марсе сейчас осталось меньше, чем когда-либо раньше. Марс сухая планета, на ней отсутствует свободная вода, в атмосфере планеты практически нет кислорода, а содержание водяных паров ничтожно мало. При низкой температуре и мизерном давлении углекислый газ замерзает. А известно, что твердая углекислота токсична для всех известных нам форм жизни. В атмосфере Марса не обнаружен азот — важнейший элемент, необходимый для существования органической жизни. Впрочем, не надо торопиться; делать окончательные выводы еще рано. Во всяком случае, из всех планет Марс единственная, где еще можно встретить жизнь, хотя бы в самых ее примитивных формах, сходных, например, с земными бактериями или низшими растениями.

Космические летающие лаборатории доставили на Землю обширную информацию, которая обрабатывается на электронно-вычислительных машинах во многих институтах Академии наук СССР.

В бескрайних далях околосолнечного пространства, окруженный свитой спутников, безмолвно плывет вокруг Солнца волшебный Марс.

По оценке ученых-баллистиков, гравитационное поле Марса будет удерживать земные аппараты на орбитах в течение нескольких десятилетий, после чего они упадут на поверхность планеты.

Б. КОЛЕСОВ

ЗОЛОТАЯ КОСА

Он так и называется, этот поселок, — Рыбачий. Из-под островерхих черепитчатых крыш одноглазо выглядывают круглые корабельные иллюминаторы: пусть в чердачном полумраке вялятся, наливаются янтарным жиром в косом снопе солнечных лучей золотые гирлянды лещей. И под порог брошен тут не полосатый домотканый половичок, а кусок отслужившей свой век мелкоячеистой сети. Таков Рыбачий. Сети увидишь здесь на каждом шагу. Ненужные — на футбольных воротах, над цыплячьими загонами-ангарчиками, чтоб схорониться от вражьих вороньих налетов. Те, что пойдут еще в дело, аккуратно развешаны на штакетниковых заборах или просто расстелены на траве. Пахнет теплым заливом, просыхающими снастями, смолой. Лагуна начинается прямо за огородами. Идешь сквозь терпкий дух желтеющих укропных зонтиков, ленивую неподвижность колокольчатых столбиков наперстянки. После ласковой прохлады гусиной травы песок вдруг обжигает. Он не хрустит привычно под босой ногой, а как-то звонко поскрипывает, словно только что вымытые волосы. Микроскопически мелок и отборно чист песок Куршского залива. Золотой песок золотой косы.

50 ОТЕЧЕСТВО МОЕ — СССР

Случаются дни, когда вода в заливе неподвижна, как на предутреннем озере. Вдоль темной полосы прибрежья зелено курчавится ольшаник, отважно лезет в гору сосновое криволесье. И над всем этим, словно ситная краюха на капустном листе, — дюны.

Почему дюны? Кочующие песчаные горы пустыни зовутся барханами. В слове этом слышны хрип пересохшей гортани, скрип раскаленного песка на зубах. Совсем иное — дюны. Дюны. Слышите нежный тихий звон? Нет? Тогда поднимитесь на песчаный гребень.

Прохладен и упруг под ногой влажный песок. Узенькая кромка залива что тропинка. И нельзя не стать на этой тропе следопытом. След человека редок. Зато экое раздолье птицам и заповедному зверью!

Выбросит на берег обессилевшего окуня — и сколько крестиков-звездочек наставят вокруг проворные пичуги, сколько кружев наплетут! Четкие оттиски оставили на песке копытца косули: видно, спустилась напиться пресной заливной воды. Привереды зайцы, говорят, предпочитают солоноватую воду Балтики, благо до нее рукой подать. Что ж, им виднее!

Прибрежные заросли ольхи туго набиты комариным гудом. Перевязанными в узлы шнурами распластались по горячему песку колючие побеги ежевики. Крохотные лилово-желтые цветки анютиных глазок, лакированные листья мать-и-мачехи да чесночно сочные пучки настырной осоки по прозванию дикий овес — ничто больше не решается выйти из-под спасительной лесной тени на борьбу с песком.

Но оборвется последний зеленый мыс — и ударит в глаза неразбавленной желтизной. Полого нарастая с запада, вздымается над заливом гигантская песчаная насыпь и, вдруг обессилев, круто сползает к воде. Подняться на дюну можно только по седловине. И не потому, что не хватит сил одолеть крутизну напрямик. Спрессованный ветром и временем песок вовсе не вязок и осыпчив. Прямое восхождение от залива воспрещено: каждый ваш след может стать источником сухого песчаного ручейка. Эти сбегающие к воде ручьи подточат, подломят гребень дюны — и тогда беда. Ручьи превратятся в реки. Тысячи тонн песка обрушатся в залив.

Вот она — кажется, рукой достать! — заветная грань между золотистой горбушкой дюны и выцветшим балтийским небом. Шаг, еще шаг — и из-за этой близкой горбушки начинает вдруг вырастать новая, промежуточная гора между вами и небесной голубизной. Пройден лишь первый ярус. Обернемся. Цепочка темных следов на белом песке. Следы прямо на глазах мелеют, зарастают песком. Самые последние еще видны — первые растаяли.

Понятна становится радость альпинистов, когда остановишься вдруг на самой верхней точке, на самом пике, и, обдуваемый всеми ветрами, оглянешься по сторонам. На востоке, близко, под ногами, свинцово-серые воды залива. С запада лениво накатываются подковы песков, прошитые зелеными лентами леса, и высоко над ними вздымается густая синь Балтийского моря. Снежно-белые барашки волн, кажется, стоят неподвижно, вдруг гаснут, опять вспыхивают.

Удивительное это место — Куршская коса! С ее макушки можно увидеть разом и Балтику и залив, отрезанный от моря гигантской естественной дамбой. Ширина этой перемычки порой чуть больше полукилометра. Случалось, штормовые волны перехлестывали косу...

Прихотливые очертания материков на карте порой поразительно обыденны. Не говоря уже о знаменитом сапоге Апеннинского полуострова, припомните контуры Американского континента — то ли рыбий пузырь, то ли песочные часы. А плюшевый тигренок Скандинавии? Или Камчатка — каменный наконечник первобытного копья? Куршскую косу сравнивают с саблей. Будто по линейке провел кто стокилометровую линию от Зеленоградска до Клайпеды — и пролегла между морем и заливом обоюдоострая сабля, лезвия которой — дюны и пляжи.

Если прилечь на песок и, стараясь не дышать, пристально приглядеться к песчинкам, то, как ни обидно, не найдешь среди них золотисто-желтых. Есть черные, коричневые, зеленоватые. Больше всего стеклянно-прозрачных. И почему только кажется дюна золотой? Каждая песчинка — крохотная бусинка или чечевица. Словом, камешек с приглаженными боками. Камень ленив. Под него и вода не течет. А ветер? Ветер — двурушник. Поначалу, перетирая песчинки друг о друга, отполирует их, слижет все шероховатости, так тщательно подгонит одну к одной, что получится подобие монолита. Замрут песчинки в покойной неге. Но чуть изменится направление ветра, нехотя зашевелятся. Сначала одна сорвется с места и сделает короткую перебежку, за ней другая, третья — и начнется великое переселение.

Страшна дюна, если потерять контроль над ней. Двинувшиеся в путешествие пески засыпают молодые лесопосадки, обрушиваются на поселки. Неспроста строили раньше рыбаки двухъярусные двери в своих хижинах. Проснется человек, толкнется в дверь, а та ни с места. За ночь завалило песком. Тогда бери лопату, вылезай через верхнюю дверь, разгребай занос. Куда против песчаных нашествий сибирским снегопадам! Снег растает, песок же упрям и беспощаден. Иногда сгонял человека с насиженного места, приходилось оставлять целые поселки, отдавая их на съедение пескам.

Как приручить дюну? Предложений находилось много. Остроумных, но неисполнимых. Пока не призвали на помощь лес.

Едешь по косе с юга на север и ни разу не увидишь слева моря — сплошная зеленая стена. Бронзовостволые сосны, светлые березки, рябинки, сирень — и все привалились к дороге. Лес в косую линейку как лист тетради для первоклассника. Нет, это не пьяный лес дальневосточных сопок, где все запрокинулось вкривь и вкось. Прибалтийская роза ветров постоянна: запад — восток. Но ветер ветру рознь — а что, если заштормит?

Вот еще битком набит пляж народом,

но потускнеет вдруг, наденет задымленные очки солнце, приналяжет ветер, зазмеится по земле колючий песок — и нет никого. Полетят поперек косы седые клочья тумана, заплачут сосновые иглы. Сгинет в низких облаках маяк, созывая заблудших, взревет надсадно над морем ревун.

Тогда берегись, лес!

Вперемешку с брызгами неистово бьет по деревьям шквал. Выворачивает наизнанку, рвет листья. Загибает на одну сторону ветви, словно руки выкручивает. Стонет, сгибается лес. Но стоит. Повалит порой ветер молодую сосенку, а она, смотришь, отходилась и, хоть нет сил встать, по-прежнему сыплет золотой пылью, значит живет — пусть полулежа.

Песок безводен, мертв. Но неистребима сила жизни у всего, что растет на песке. Чтобы добраться до спасительных грунтовых вод, корням необходимо пробить многометровую бесплодную толщу. И жизнь побеждает. Корневая система семилетней сосны не уступает по размерам ее кроне.

По степени наклона деревьев на восток можно судить о близости моря. Чем согбенней, искривленней сосны, тем ближе они к неприветливому прибою. Поклонитесь этим героям! Они первыми принимают бой.

Только ли они?

Есть такое слово — «авандюны». Это дюны искусственные, возведенные человеком. Человек борется с ядом тем же ядом, только в меньших, несмертельных дозах. Так и тут. Все морское побережье косы разгорожено на небольшие квадраты обычными деревенскими плётнями. Песок, выброшенный волной, просохнув, устремляется под порывами ветра в гору и натыкается на неприступную стену. Известно, что неприступных стен нет. Песок серчает. Накатывается новыми валами. Гора высится, подминая под себя непокорный плетень. Кажется, вот-вот победит песок, перешагнет преграду. Но вмешивается человек. Он надстраивает изгородь. А у всякой крутой горы есть свой предел. Наступает время — и песчинкам уже невмочь вскарабкаться на крутогорье, они осыпаются под силой собственной тяжести. Победа! Авандюна выстояла.

Мало остановить пески, их надо закрепить, сковать корнями. Лесопосадки? Да. Но выдержат ли корни слабеньких саженцев соприкосновение с иссушающим и зыбким песком? Искали и нашли. Каждый корешок нужно смазать слоем глины — только после этого можно надеяться, что растеньице выстоит. Гектар лесовода просторен, он легко вбирает в себя тысячи саженцев. Вот и представьте себе, какой гигантский труд нужно вложить, чтобы каждый год засаживать десятки гектаров голых песков. Говорят, здание, построенное на песке, непрочно. Для Куршской косы это неверно. Год от года разрастаются, крепнут, поднимаются ввысь зеленые кварталы. И не в диковинку увидеть тут рядом со взрослым деревом топорщащиеся игольчатые всходы. Самосад — не лучшая ли это награда для лесника? Так лесопосадки превращаются в лес. Лес начинает жить внутренней жизнью. Обзаводиться своей живностью, ползающей и скачущей, бегающей и порхающей. Слушать щебет своих птиц.

Кто хоть раз держал в руках птенца, знает, какой он горячий и сильный. В Рыбачьем есть люди, через добрые руки которых прошли многие тысячи птиц. Люди эти — ученые Биологической станции Академии наук СССР. Почему облюбовано учеными именно это место? Куршская коса — своего рода орнитологический феномен. Нет другого места в Европе, через которое пролетало бы такое несказанное множество птиц. Бывают дни, когда над косой пролетает до двух миллионов скворцов, зябликов, дроздов, ласточек, отмечены стаи длиной в пятьдесят километров!

Встретив на пути холодную стену Балтики, пернатые уроженцы Арктики, тундры, Сибири сворачивают на солнце. Лучшего моста на юг, в Италию, Сицилию, Африку, чем Куршская коса, не найти. От прогретого солнцем перешейка восходят потоки теплого воздуха. И летят, летят нескончаемые стаи птиц на зимние квартиры, воспользовавшись этой теплой воздушной подушкой. Дорога далека! Ласточку, окольцованную на косе, поймали у мыса Доброй Надежды. Вон куда залетела!

Стоят на косе громадные сети-ловушки. Размах их прямоугольного зева двенадцать на тринадцать метров! Во время массовых перелетов ученые отлавливают, кольцуют птиц, потом с миром отпускают на волю, чтобы узнать маршруты миграции. Есть среди птиц незадачливые рекордсмены, которые попадали в сети несколько раз. Такие особенно ценны для ученых. На биостанции обязательно расскажут вам про удивительные приключения одного рассеянного скворца. Поймали его весенним мартовским днем. На каждой лапке по кольцу. Надели третье и отпустили — не попадайся больше. И что же? На следующий день неосмотрительный скворец объявился в Бельгии! Но какова скорость! Меньше чем за сутки полторы тысячи километров!

Б. ЧАЩАРИН

Ну что ж, ребята! Сегодня я приглашаю всех на осенний вернисаж. Необычная картинная галерея открыта на 26-й странице журнала. Вся она составлена из портретов ваших четвероногих друзей.

Переверните несколько страниц — и вас ждет радостная встреча. Уверен, что некоторые портреты собак вы увидите впервые. Приятного вам знакомства!

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

СЕНТЯБРЬ

Неслышно подступила осень. Нет-нет да и выпадут яркие денечки, когда зовет, манит лес своим нарядным убранством. Но все холоднее ночи, все чаще затяжные моросящие дожди. И тускнеют на глазах желтые косы берез, а знобкий порывистый ветер, словно чародей, раскрашивает поляны и просеки пестрым ковром сорванных листьев.

В эту пору сентябрьского листопада наполняются рощи и дубравы новыми звуками: негромким шуршанием листьев, прощальным курлыканьем журавлей, призывными голосами других птиц, которым предстоит далекая и нелегкая дорога на юг.

ВЕСТИ С ОПУШКИ

Слетают, кружась, листочки лип и берез. А за ними вдогонку осыпаются вязы и дубы. «В сентябре и лист на дереве не держится», — услышишь от старых людей. Так оно и есть, ведь между черешком листа и веткой уже появился разделительный слой, вроде пробкового. Вот и падают листья. Настала листопадная пора.

Приоткрылись дали. Воздух осенью чище, оттого и горизонт кажется приподнятым. И всюду летит блестящая паутина. Летит неторопливо, опутывая жухлые травы и черные комья на пашне. Откуда она и зачем? Вот загадка.

Давайте-ка поближе взглянем на эту осеннюю пряжу. На каждой паутинке, оказывается, восседает маленький паучок-тенетник. Сам летать не может — крыльев нет, зато паутинка перенесет куда надо. Так и путешествуют паучки на своих легких паутинках. Здорово приспособились!

Средь выгорающего травостоя по второму разу зацвели калужница, белая ромашка, нивянник, рослый горлец и, конечно, одуванчик. Снова повсюду заметны его золотистые шапочки, будто вернулось раннее лето. Встретишь сейчас и запоздалые цветы: кустистые пижмы, волосистые лиловые короставники, голубые колокольчики, сиреневые герани, белые тысячелистники с плотными щитками соцветий и даже льнянки. Огоньками пламенеют их яркие цветочки.

У зимующих животных свои заботы. Спешно заготавливает грибы белка; отбирает только крепкие, нечервивые, накалывая их на сучья. Не забудет спрятать ядреный орешек или крутой желудь — зима-подбериха спросит, что впрок заготовлено. Не дожидаясь холодов, линяют зайцы, хори, горностаи. Не отстают от них хищники — лисица и волк. Им тоже бегать зимой в летней одежке не годится. Один медведь не меняет по осени шубы, в такой и заляжет коротать зиму. Зато медведь теперь больше других жирует: отъедается ягодами и дудником, обсасывает метелки овсов. А перед тем как залечь, пустится раскапывать корни слабительной крушины. Ими он желудок очищает, чтоб спокойно спать долгие месяцы.

Отлетают журавли. В поднебесье проносится клин за клином. «Грлан, грлан», — доносятся с высоты их жалобные крики. Видно, нелегко пернатым покидать родные края. Подались к теплу и лесные голуби — вяхири, горлицы, клинтухи. Не слыхать деревенских ласточек. Давно ль беззаботные щебетуньи усаживались на телеграфных проводах, заводили бесконечные спевки? А вот уж и касаток не стало. Их городские подружки улетели еще раньше, ведь в городе насекомые исчезают быстрее. И ласточки вынуждены пускаться в отлет, чтобы не оказаться без корма.

За кратким периодом теплых дней подступила пора похолодания и дождей. Преобразился лес, примеривая карнавальные наряды. И не знаешь, что теперь краше: осины в фиолетовом и желтом, рябины — в карминном или дубы — в раскаленных докрасна доспехах. Опушка кажется живописным чертогом.

Рис. И. Кошкарева

Фото В. Гуменюка

Не так давно я отправился в лес за грибами. После первых осенних холодов появились опята, и я торопился собрать немного этих грибов, пока не ударят первые утренники. В лесу я задержался и возвращался домой поздно вечером по дну оврага, мимо кустов орешника.

Овраг был неглубоким, не очень страшным, я часто ходил здесь по узенькой тропке, возле которой нет-нет да и попадались свежие горки земли, нарытой кротами. И теперь, зная каждый камень на своем пути, каждую ветку дерева, упавшую вниз, я смело шел среди кустов. Но вот тут-то и произошло событие.

Неожиданно я споткнулся. Нагнулся и увидел, что на тропке лежит круглый камень — валун, которого утром я не заметил. Рассмотреть валун как следует в сумерках я не смог и только ощупал его рукой. Валун оказался влажным, хотя вечерней росы не было. Выходило, этот камень совсем недавно лежал где-то в земле и кто-то его откопал и положил на тропу.

Неужели надо мной кто-то подшутил? Но какие могли быть шутки в вечернем сентябрьском лесу, когда вокруг километра на три не было ни одного человека.

Пока я сидел на корточках и раздумывал, откуда взялся камень, сверху что-то зашуршало, потом треснула ветка, потом что-то зашуршало совсем близко от меня — и на тропу скатился еще один камень, правда, поменьше первого.

Кто же это спускает вниз, в овраг, камни? Я замер, немного подождал и вскоре услышал, как сверху катится небольшой камень.

Я отошел в сторону, чтобы камень случайно не ударил меня, и затаился. Что за землекоп работает там вверху? Честно говоря, я уже догадывался, кто напугал меня.

И тут вверху я услышал негромкое упрямое фырканье. Все ясно. Я осторожно поднялся и, стараясь не шуметь, переступил через скатившиеся камни и пошел домой. А утром, когда встало солнце, я снова отправился в овраг. На дне его я отыскал вчерашние камни, землю, скатившуюся по склону, и тут же, на этой свеженарытой земле, разобрал знакомые мне следы. Эти следы походили на след небольшого медвежонка. Ну как, догадались, кто напугал меня вечером в овраге? Неужели не догадались?

Тогда вспомните, кто из наших зверей умеет рыть норы. Лиса, барсук, норка, хорек... Но хорек и норка в счет не идут — эти зверьки, устраивая норы, никогда так не шумят. А лиса? Она тоже роет норы, но работает только днем. А вот барсук — ночной работник. Он и охотится по ночам, и жилище свое ремонтирует в темное время суток. Да и след барсука уж очень приметен — походит он на след маленькой медвежьей лапы с большими когтями.

Вы скажете, почему же я сразу не догадался, что это барсук. Да дело в том, что в нашем овраге барсуки раньше не водились. Где были их норы, я знал и на следующий день после таинственной встречи отправился к старым барсучьим норам, чтобы еще раз убедиться, что барсуки целы и здоровы. А кто же рыл нору в овраге? Видимо, это молодой барсук, которому стала тесна квартира родителей. Подрос он к осени, вот и решил почему-то перебраться на новое место.

Теперь каждый вечер я посещаю овраг, тихо сижу в засаде и слушаю, как сыплется вниз по склону земля, — это барсук продолжает рыть свою глубокую нору. Да, друзья, барсуку надо торопиться — ведь скоро ударит первый мороз, а у барсуков такой закон: мороз ударил, забирайся спать. Вы знаете, что барсук зимой спит не очень крепко? Бывает, что и просыпается, когда мороз приутихнет, когда наступит оттепель. В такие дни он выбирается из норы и катается на снегу — чистит шубу. А потом похватает языком снег — и снова в нору. Вот он какой, зверь-землекоп. А следы барсука зарисуйте себе в дневник и, если встретите такие же следы, постарайтесь не беспокоить этого ночного зверя. Плохо он никому не делает.

СЛЕДОПЫТ

Настало время вспомнить о пернатых друзьях, которые остаются зимовать в наших краях. Пора уже повесить кормушку для птиц и каждый день приносить туда семечки подсолнуха, коноплю, семена березы, клена, ясеня, ягоды рябины, можжевельника и кусочки несоленого сала.

Почему именно сейчас надо повесить кормушку? Дело в том, что в сентябре многие зимующие у нас птицы начинают кочевать — искать такие места, где много корма, где можно безбедно прожить всю зиму. Найдет большая желтогрудая синичка сейчас вашу кормушку, узнает, что ее здесь ждут, и вскоре приведет за собой подруг. Тогда всю зиму в вашей птичьей столовой будет весело.

Только помните, что кормушка — дело ответственное.

Подумайте, где отыскать синичкам корм в зимнее время. Ну ладно, одна синичка еще как-то пропитается. Но ведь вы приучили к своей кормушке не одну, а десяток, а то и еще больше синиц. Что будет с ними, если вдруг вы забудете их? Они погибнут.

Помните, друзья, об этом и продолжайте угощать птиц до самой весны, пока они сами не улетят от вас. Расскажите об этом и другим ребятам, чтобы и те хорошо знали, какую ответственность перед птицами берут на себя, пригласив пернатых в гости.

Если вы живете в городе, устройте кормушку за окном или на балконе. Если около вашего дома есть палисадник, сад, огород, устройте кормушку и там. На такую кормушку прилетят и чечетки, и чижи, и щеглы. Не забудьте, что чечетки очень любят семена березы. А чижей и щеглов можно угощать семечками и коноплей.

Синички же больше всего любят несоленое сало. Только кусочки сала надо привязывать к кормушке на бечевке, а то его утащат галки или воробьи.

Не забудьте подкармливать зимой и воробьев. Вы думаете, воробьи никчемные птицы? Нет, воробьи — главные защитники-сторожа городских парков, садов. Свое многочисленное потомство воробьи выкармливают насекомыми и их личинками, принося большую пользу.

Но вот беда, не дают часто воробьи полакомиться угощением синицам — как налетят целой стаей, так от семечек и конопли ничего не остается.

Как быть? Как накормить и тех и других? Во-первых, для синичек вы подвесили кусочки сала на бечевках. А во-вторых, запомните, что воробьи боятся садиться на такие кормушки, которые покачиваются. Повесьте на ветку дерева или просто за окно такую покачивающуюся кормушку — синички будут на нее садиться, а воробьи — нет.

Не забудьте заготовить на зиму побольше рябины — ведь ее очень любят снегири. Кончится рябина в далеких северных лесах, и отправятся красногрудые снегири путешествовать. А тут на вашей кормушке встретят красные гроздья любимых ягод. Так вы и накормите своих дорогих гостей, а сами полюбуетесь нарядными птицами.

Вот пока и весь наш короткий рассказ о кормушках. Ждем ваших писем. Как вы устроили свою кормушку? Какой заготовили корм для птиц? Какие птицы уже посетили ваши столовые? И конечно, пришлите нам рисунки своих кормушек.

А рябина теперь — одно загляденье! Пурпур резной листвы так ярок и густ, что кудрявое деревце и вправду кажется раскаленным докрасна. Затейница-осень щедро разодела его в причудливые обновы: красуйся на карнавале листопада, будь незабываемым.

Но листва листвой, а красна лесная диковина и ягодами. Бери вместительную прутяную корзину — и скорее туда, где ждут тебя приветливые рябины. Срезать плоды лучше кистями, так и дело быстрей пойдет, и плоды свежими хранятся дольше.

Вот уж и корзина полна, а крона мало поредела — сильная ягода уродилась! Правда, ягодой рябину величают лишь в обиходе, из уважения, а, строго говоря, ее плоды — маленькие яблочки: мясистые, с семечками внутри. На вкус они сейчас горькие и терпкие, а как полежат на морозе, наберутся сахара, слаще станут. Полезные, целительные яблочки эти будут настоящими таблетками здоровья. Зимой рябиновый чай восполнит нехватку ви-

таминов, поможет больным избавиться от повышенного кровяного давления.

А как бывает кстати рябина на кухне, знают многие. Делают из нее и пастилу, и варенье, и сок, и сироп, и даже изюм. Для длительного хранения рябину рвут кистями, с листвой, и в холодном помещении она остается свежей в продолжение всей зимы.

И все-таки основная часть нашего сбора пойдет в сушку. Для этого рябину перебирают, очищают от плодоножек и увядших ягод, а затем рассыпают мелким слоем на противни и сушат в нежаркой печи. Сухое лекарственное сырье пакуют в тканевые мешки. Срок годности сбора — два года.

В аптечный сбор и на пищу одинаково хороши как садовые, так и лесные рябины. Главное, собрать плоды до морозов. Конечно, юннаты — рачительные хозяева природы, им известно, что на рябинах кормятся многие наши пернатые зимовщики. Поэтому, срезая кисти, помните: нижние ваши, остальные — птицам. Ведь природа щедра для тех, кто ее бережет.

Осенний лес так же радушен, как и летний. Всего в нем вволю: и орехов, и грибов, и ягод. Вот и голубика не сходит. Сизым дымком стелется она под стволами берез и елей, только собирать поспевай! Щепоткой, горстью клади и клади, пока с верхом не наполнишь лукошко. Лазурная ягода крупна, вкусна, полезна. Недаром северяне величают ее голубым виноградом.

А еще голубику зовут «пьяничка». Оттого, что дружит с багульником, а его нафталинный запах, известно, дурманит да кружит голову. Гонобобель — еще одно народное имя нашей скромной боровой ягоды. Впрочем, боровая она лишь в лесной полосе, а в арктической пустыне, в тундре, голубика сама выше деревьев. Ведь деревья-то там карликовые. Так господствует ягодный кустик на огромных пространствах вечной мерзлоты, заходя даже на полярные острова: Колгуев, Вайгач и Новую Землю. Бывает, и снежок припорошит ягоды, и морозец прихватит, а им хоть бы что: не блекнут, не сминаются. Уж и резвятся на таких угодьях белые куропатки! Лучшего для них пастбища не найти.

Не в обиде и люди на эту ягоду. Голубика отменна во всех кушаньях: пирогах, киселях, варенье. Ее прохладительный сок хорошо утоляет жажду, голубичный напиток целителен для лихорадящих больных. А уж какова голубика в свежем виде, знают все! Сладкая, с кислинкой и такая нежная, будто тает во рту.

Собирают «голубой виноград» сухими днями: тогда слабая ягода дольше держится. Сбор ведут осторожно, аккуратно, чтоб не топтать ценные кустики. Ведь голубичники старше иного дуба, доживают и до трехсот лет. Искать эти ягоды нужно в сырых хвойных лесах, на торфяных болотах, по вырубкам. Кстати, на вырубке голубика кажется особенно ядреной — одна ягода крупнее другой. Вроде голубых бусин.

Заметь в дневнике:

ОСЕННЕЕ СТАЕНИЕ ГРАЧЕЙ. Взрослые и молодняк сбиваются в большие стаи, кочуя по скошенным лугам и сжатым полям. На ночь располагаются в старых грачевниках.

ПЕРВЫЙ ЗАМОРОЗОК НА ПОЧВЕ. Определяют по наличию инея или по шкале термометра, установленного над поверхностью почвы.

НАЧАЛО ПРОЛЕТА ОСЕННЕЙ ПАУТИНЫ. Хорошо видна в тихую солнечную погоду.

РАСКРАШИВАНИЕ ЛИСТЬЕВ ЛИПЫ И БЕРЕЗЫ. Отмечают тот день, когда в кронах стали заметны целые веточки с окрашенной листвой.

НАЧАЛО ЛИСТОПАДА ОСИН И ДУБА. Происходит обычно после того, как раскрасится вся крона.

СОЗРЕВАНИЕ ПЛОДОВ ОСТРОЛИСТНОГО КЛЕНА. Плоды-двукрылатки висят на ветках до мороза.

ПОСЛЕДНЕЕ ПОЯВЛЕНИЕ КУЧЕВЫХ ОБЛАКОВ. Запиши день, когда в последний раз замечались кучевые облака.

ОСЕННИЙ ПРОЛЕТ ЖУРАВЛЕЙ. Легко узнается по курлыканью, издаваемому стаей. Летят клином с вожаком впереди.

Проверь народные приметы:

Много желудей на дубе — к строгой зиме.

В лесу обилие рябины — осень простоит дожд ивой; рябины мало — осень сухая.

Если журавли летят низко и молчком — к скорому ненастью.

Кроты и мыши делают большие припасы — к суровой и многоснежной зиме.

Птица хохлится — к непогоде.

Гром в сентябре предвещает теплую осень.

Осенний иней — к сухой, солнечной погоде.

листая БРЕМА

ПАПСКИЕ ПЕТУХИ

Странное слово «попугай». Откуда оно появилось, не совсем ясно. Возможно, у него в некотором роде «религиозное» происхождение. Попугая вначале называли «папагалл», что значит «папский петух». В Ватикане в средние века жило много ручных и разговорчивых попугаев. Иные говорили на многих языках! Была там и особая должность — смотритель попугаев.

В Европу первые попугаи попали, когда вернулись из восточных походов воины Александра Македонского. Когда была открыта Америка, попугаев в Европе стало еще больше.

И поныне попугаи очень популярны у любителей птиц. Какаду — обычные пленники такого рода. Белые или черные, ростом примерно с ворону, с большим хохлом на голове.

Черный какаду — самый из них крупный и самый большеклювый попугай вообще. Своим клювом в дециметр длиной он без труда может перекусить палец. «Какаду» происходит от малайского слова «какатуа», что значит «кусачки».

Сине-желтые, красно-зеленые и прочих тонов южноамериканские попугаи ара тоже обычные гости зоопарков. Гиацинтовый ара, самый крупный в мире попугай — почти метр от клюва до конца хвоста. Другие ара немногим меньше. Клюв у них такой сильный, что попугаи способны перекусить двухмиллиметровую железную сетку.

Много прирученных попугаев ара живет в индейских селениях. Перед праздниками индейцы «заимствуют» у ара их красивые перья, бесцеремонно их выдергивая. Но возмещают птице нанесенный ущерб: украшают попугаев цветными бантиками и лентами. Попугаи приносят индейцам и другую пользу: не хуже сторожевых псов громкими хриплыми криками предупреждают они жителей, когда к деревне приближаются незнакомые люди.

Сто тридцать лет назад привезли из Австралии в Европу волнистых попугайчиков и с той поры успешно (миллионами!) их здесь разводят. Сейчас уже выведены желтые, белые и голубые волнистые попугайчики.

Волнистых попугайчиков можно научить говорить. Говорят они с щебечущим акцентом, скороговоркой, «без точек и запятых».

Жако! Вот знаменитый говорун. Серая птица с красным хвостом. Родина жако — тропические леса Западной Африки и Конго. Больше ста слов и несколько простых фраз может выучить жако. Иные произносит очень кстати и, казалось бы, со смыслом. Например: «Доброе утро!», «До свидания», «Алло!» — когда звонит телефон. У попугаев абсолютный слух, мелодии они запоминают быстро и могут тут же повторить.

Южноамериканский попугай монах тоже неплохой говорун, но для ученых более интересен другим: он строит большие общественные гнезда, которые внешне похожи на стог сена. Попугаи сообща (одни действительно работают, другие лишь шумят!) сооружают из ветвей (преимущественно колючих!) башню с «амбразурами» внизу — это входы в гнездовые камеры. У каждой семьи своя квартира в общем доме. На больших ветках такие гнезда имеют в диаметре метр, а в кроне дерева, способного выдержать тяжелое сооружение, — до трех метров! Раз построив «башню», попугаи-монахи ее не покидают даже после того, как выведут птенцов.

В Африке живут неразлучники: «Один погибнет — второй умрет от тоски». Такое преувеличенное мнение о супружеской верности этих попугаев определило их странное название. Они действительно очень привязаны друг к другу, но не настолько. Неразлучники тоже тяготеют к обществу: поселяются с потомством в коллективных гнездах ткачиков, в термитниках или под крышами домов в гнездах ласточек. Строят гнезда и в расщелинах скал. Веточки, травинки для гнезд переносят весьма оригинальным способом: втыкают их в оперение спины и так летят с грузом за плечами.

Многие неразлучники, впрочем, носят строительный материал «по старинке», в клюве. У тех видов, которые нагружают свою спину, ученые внимательно исследовали перовое одеяние и нашли в его свойствах «дополнительную прочность».

Подобно попугаям-монахам, неразлучники в гнездах отдыхают, ночуют и прячутся от врагов.

Лорикулюсы, или висячие попугаи, когда строят гнезда, материал приносят не в клюве, а втыкают обрывки коры и листьев в оперение спины, плеч, груди и шеи. Похожи на неразлучников, близки по роду-племени, но поменьше, с синицу или чуть больше. Ловко прыгают в ветвях и по земле. Едят фрукты, пыльцу цветов, пьют сок кокосовых пальм, нектар. Любовные игры у них особенные: не клювом клюв обнимают, а лакомые кусочки деликатно преподносят друг другу.

Спят лорикулюсы, как летучие мыши: вниз головой, повиснув на ветке.

Казалось бы, попугаи однообразны: шумливые, весьма неглупые, яркие дети солнечных жарких стран. Плоды, ягоды, орехи, клубни, сочные побеги, нектар цветов — круглый год всем этим вечнозеленые леса одаривают их в изобилии. В общем, все так. Но есть и исключения. Иные попугаи живут в горах, где климат довольно суровый, со снежными зимами. Даже птенцов зимой выводят, как в наших лесах клесты. Это кеа — новозеландский «убийца овец».

Другие уподобились в некотором роде страусам, разучившись летать. Третьи — совам и козодоям, предпочтя темные ночи светлым дням.

Ночной попугай, к сожалению, почти уже истреблен в Австралии. Днем он спит, забившись в гущу колючих кустов и трав. Тут же и гнездо устраивает на земле из веток и трав. Ночью пешком (летает мало) отправляется на поиски семян колючих растений, среди которых живет.

Австралийские и тасманийские наземные (или болотные) попугаи и новозеландские бегающие (какарикисы) летают очень редко, если на них нападают враги. Кормятся не в древесных ветвях, как нормальным попугаям положено, а на земле, роясь в листве ногами, словно куры. На земле строят гнезда из ветвей и корней. Иногда и на голой почве насиживают с полдюжины своих яиц. Птенцы родятся в черном пуху — маскировка вполне пригодная для торфяных болот, где живут наземные попугаи. К сожалению, эти интересные птицы почти все истреблены.

Попугай, разучившийся летать, — какапо. Он умеет лишь немного планировать с дерева на землю. Перья вокруг клюва и глаз какапо образуют обрамление, похожее на лицевое оперение совы. Этот попугай ведет ночной образ жизни. Пешком по тропинкам, им же протоптанным, в поздних сумерках выходит оливково-бурый какапо из укрытий, где спал днем. Идет несмело, от куста к кусту крадется, как кошка. Найдет сочный лист папоротника, «грызет» его. Ягоды, мхи, грибы, корневища папоротников — весьма своеобразен в выборе сортов зелени этот вегетарианец!

В горных влажных лесах Южного острова Новой Зеландии уцелели немногие какапо. Лисы и кузу-лисы, горностаи, хорьки, куницы, крысы, кошки, собаки, ежи и прочие четвероногие, завезенные европейцами на родину какапо, грозят уничтожить последних совиных попугаев.

Небывалое случилось с новозеландским кеа. Мирно кормились эти птицы всякой зеленью и насекомыми, пока не пришли к берегам их острова большие корабли и не приплыли на них странные блеющие животные. Попугаям овцы пришлись по вкусу. Презрев вегетарианство, они быстро научились есть их живьем! Сначала кормились отбросами у скотобоен. Потом приноровились сами «потрошить» мертвых овец, добивать больных и увязших в снегу. На здоровых овец стали нападать: сядут на спину и рвут острым клювом сало и мясо. Овца мечется, сбросит иной раз страшного седока. Но попугай на крыльях ее опять догоняет. Так рассказывали овцеводы. Правительство объявило премии: по фунту стерлингов за убитого попугая.

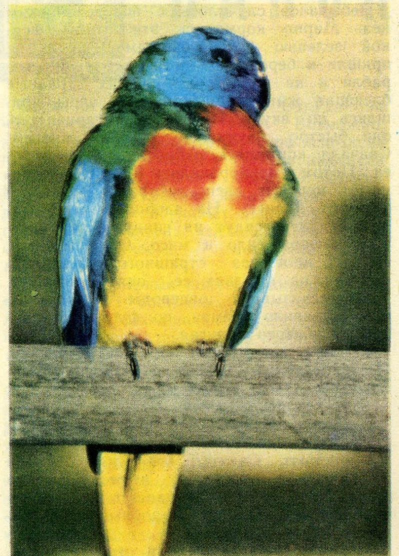
В наши дни страсти вроде бы поутихли. Исследователи Джексон и Мэрриер пытались убедиться, в самом ли деле так уж вреден кеа овцеводству.

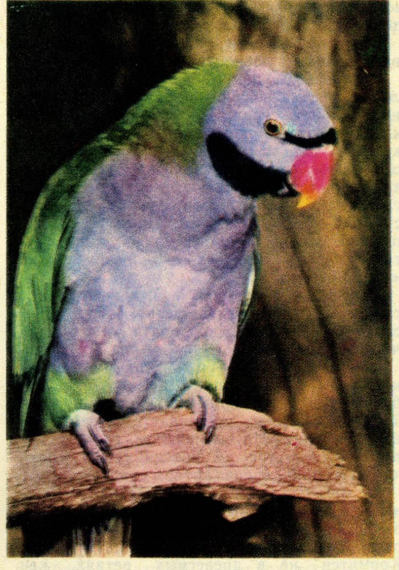
Джексон решил, что на больных и увязших в снегу овец попугаи, возможно, и нападают. Садятся без злого умысла на спины и здоровых, а те от страха в панике иной раз и падают со скал и разбиваются. Однако подобные происшествия очень редки.

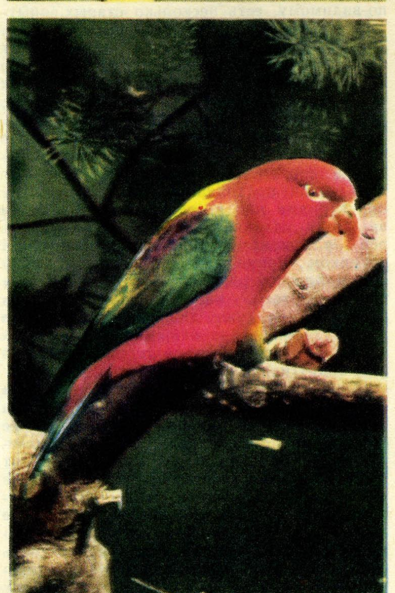
Мэрриер полагает, что в стае попугаев, по-видимому, есть несколько старых, опытных в разбое птиц, которые убивают овец. Но случается это не часто. Обычно едят кеа уже павших овец, поэтому от них, как от санитаров, выходит польза. Даже в метель бродят они по глетчерным полям, роясь клювом в снегу.

Отношения у кеа весьма своеобразные и для попугаев необычные. Молодая самка на втором году жизни подыскивает для гнезда подходящую расщелину, дыру под корнями или в стволе гниющего дерева. Нору удлиняет (иногда до семи метров), расширяет, устилает мохом и папоротником. Времени у нее впереди много: год и два длится постройка. А пока она еще не готова, какой-нибудь старый и боевой самец (уже давно женатый, и не раз!) ухаживает за ней, не обращая внимания на энергичные протесты своей старой подруги.

В июне — июле снесет она 2—4 яйца и месяц их насиживает. Когда выйдет из норы, чтобы поесть, кавалер ее обычно уже поджидает с угощением. Выведутся птенцы — он и о них не забывает: приносит пищу, а мать раздает ее детям. Позднее он и сам их кормит. И долго: сыновей — почти три месяца, а дочерей — больше четырех: самочки еще полтора месяца живут на родительском иждивении. Мать детей бросила, а отец заботится, кормит.

Этот китайский ожереловый попугай населяет горные сосновые леса Юго-Восточного Тибета. ▲

Один из травянистых попугайчиков — блестящий попугайчик — очень редок в Южной Австралии. Живет он в холмистых кустарниковых местах.

◀ *Желтоспинный лори — житель Молуккских островов. Как и у всех щеткоязычных попугаев, его излюбленное лакомство — нектар и пыльца цветов.*

Небольшой плоскохвостый попугайчик розелла поселился в Восточной Австралии. Сначала он был жителем саванн. Теперь же это самая настоящая птица полей. Питается розелла семенами различных травянистых растений и местами наносит заметный вред полям. Но розелла приносит и пользу, уничтожая семена сорняков и вредных насекомых. Этого попугайчика очень любят держать дома в клетках. У розеллы плохой характер: он недружелюбен к другим попугаям. ▶

Лори — веселые, дружные, «разговорчивые», пестро окрашенные небольшие попугаи (с голубя и меньше). Приручаются легко, неволю переносят стойко, даже мягкой зимой могут жить в парке. Некоторые виды пахнут цветами — гиацинтами, например, другие — мускусом. Язык у лори устроен иначе, чем у других попугаев, — с «кисточкой» на конце: так удобнее добывать из цветов нектар и пыльцу. Семян, орехов и твердых фруктов лори почти не едят. Об этом должен помнить тот, кто приобрел попугая из породы лори: кормить его надо смесью из меда, цветочной пыльцы, мелких насекомых и сочных фруктов. Зерен давать немного, только на добавку.

И. АКИМУШКИН

В Венгрии, в предгорьях Карпат, часто можно встретить эту большую лохматую собаку. Кажется, как только она ухитряется видеть что-либо! Глаз ведь почти не различишь в густых завитках. Зовут собаку пули. Она отменный сторож. И пастух аккуратный к тому ж.

Крошечная. Иначе и не скажешь о чи-хуа-хуа. В одной руке ведь почти умещается. Но собаки эти умны, подвижны. А к своим хозяевам так привыкают, привязываются, что и водой не разольешь. Чи-хуа-хуа привезли в Европу из Мексики. ◄

Фото Р. Воронова

Шотландский терьер (скоч-терьер) выглядит солидно. Как-никак, а к охотничьим собакам он имеет прямое отношение. Когда-то на родине он славился своим умением охотиться. Шотландские фермеры держали этих терьеров на конюшнях. У них была одна главная задача — бороться с ласками. А коварнее ласки трудно, пожалуй, найти хищника, который угрожает домашней живности. И сегодня скоч-терьеры выносливы и храбры. Да и с виду интересные. Посмотрите, какие у них мужественные усы, борода и брови.

Веселые, ласковые, живые, даже немного суматошные. Таковы болонки. Любят их за общительный нрав и крепкую привязанность к домашним. Болонки различны. Эта, к примеру, французская. Но бывают и мальтийские. Название говорит за себя. Родина милых собачек — остров Мальта в Средиземном море. В литературе с древних времен упоминаются они как «львиные собачки Мальты». Правда, такой лев вряд ◄ ли кого устрашит: слишком уж он мал и незлобен.

Трудно представить сибирского охотника без верного и надежного спутника — лайки. В глухой тайге быстро и точно отыскивает эта собака зверя. Загонит белку на сосну или кедр и стоит лает, пока не подойдет хозяин.

Неприхотливы лайки. Могут и в лесу переночевать на снегу. В таких теплых шубах никакой мороз не страшен. Охота для них не в тягость, а в радость. Весело бегут вперед, загнув кольцом хвост на спину. За ними и на лыжах трудно угнаться.

Терьеры — собаки для норной земляной охоты. Разные породы их были выведены специально для охоты на многих норных животных — от крысы до барсука.

«Куда ему охотиться!» — скажете вы, глядя на московского длинношерстного тойтерьера. И будете правы. Этот терьер из группы декоративных собак. Но все равно что-то от прошлых собратьев у него осталось. Он и смел, и крепок по-своему, хотя ◄ и маленький.

Ши-тцу — одна из древних пород собак. Известна она более двух тысяч лет. Предки ши-тцу — апсо из Лхасы и короткомордые пекинские собачки. Вывели их в тибетских монастырях специально для религиозных обрядов. Маленькие, очень живые, энергичные, собачки эти долгое время являлись атрибутом религиозного культа даже в резиденции далай-ламы.

Так было давно. Но сегодня ши-тцу — забавные декоративные собачки. С ними не заскучаешь. Настолько они веселы, суматошны, по-хорошему взбалмошны. На нашей фотографии изображен щенок, поэтому он не такой лохматый. Но ничего, скоро подрастет, и глаза и морду закроют длинные завитки шерсти.

Собаку эту знает каждый. Восточноевропейская овчарка вполне заслужила такую славу и признательность. Какие только специальности она не освоила! И сторож отменный, и по следу ходит здорово, и даже при случае овец пасти может. Словом, универсал. Когда нужно, овчарка осваивает новые, необходимые людям профессии. Вспомните, сколько раненых вынесли с поля боя эти умные собаки в годы Великой Отечественной войны, сколько мин отыскали! Да и красоты овчаркам не занимать. Мужественные, выносливые, стройные. Поневоле залюбуешься! ◄

СОБАКА ПОНИМАЕТ

В современном мире, в условиях стремительного развития цивилизации остается все меньше уголков нетронутой природы. К ним можно отнести северо-восточное побережье Гренландии, с которым нас знакомит очерк норвежского писателя-натуралиста Йона Евера «Собака понимает». Тот, кто захочет познакомиться с другими очерками Евера о Гренландии, может прочитать его книгу «Звериные тропы и птичьи пути». Ее выпустит в этом году издательство «Мир».

Помимо диких животных, Евер много пишет о собаках, и ряд очерков непосредственно посвящен четвероногим друзьям и помощникам человека. Читателю представляется возможность познакомиться с представителями самых разнообразных пород — от гренландских лаек до обыкновенных дворняжек, которые волей судьбы оказались в санной упряжке.

Собака — существо удивительное, она понимает, когда ее собираются пристрелить.

— Не гляди на меня. Смотри в другую сторону!

Человек подтолкнул серую морду стволом ружья, и собака жалобно взвыла. Она повернулась, но тут же вновь посмотрела на хозяина серьезными темно-карими глазами.

— Лежать!

Окрик не помог, взгляд собаки по-прежнему был устремлен на человека. Она смотрела ему прямо в глаза, и это сковывало его решительность. Чувство собственного бессилия приводило его в ярость.

Он посильнее толкнул собаку, и она взвизгнула. Но взгляд ее по-прежнему был устремлен на человека. Он повесил ружье на стену. Что ж, успеется. Вчера он несколько раз пытался пристрелить Магги. Но палец отказывался нажать на спуск.

Он знал, что этого не миновать, ибо это означало жизнь или смерть и для него самого, и для остальных собак упряжки. Больше недели без пищи живое существо не вынесет. Голод превратит мышцы в тряпки.

Когда человек пришел в избушку, он не нашел ни провианта, ни топлива. Был снежный буран. С тех пор северный шторм непрерывно бушевал над этим уголком Восточной Гренландии. Настоящее светопреставление.

Долгих семь дней человек лежал в спальном мешке, большей частью в полудреме, и лишь изредка засыпал по-настоящему. Приятно забыться от голода и стужи, но тем тяжелее пробуждаться и вновь сознавать свое бессилие. С каждым днем, с каждым часом голод все больше изнурял и его и собак, так что скоро они уже не сумеют преодолеть те тридцать километров, что отделяют их от другого домика. Но прежде чем они окончательно выбьются из сил, одна из собак должна умереть.

Час ее пробил.

Снаружи посветлело. Когда человек растворил дверь, чтобы оторвать еще одну-две доски от стены тамбура на топливо, в снежном буране видно было метра на два вперед. Дальше — пустота, одни лишь снежинки точно белые черточки вихрем проносились мимо.

Человек захлопнул дверь, разбил мерзлые доски и засунул их в печку. В мерцающем свете пламени можно было снова различить глаза Магги. Они следили за каждым его движением. По мере того как тепло наполняло помещение, собака все ближе подползала к печке. Она виляла хвостом, а уши плотно прижала к макушке. Потом стала лизать ему руки.

Так собака выпрашивает еду или ласку. Или жизнь.

Человек потрепал ее по голове.

— Бедная ты моя!..

Но собака не бросилась на него с радостным визгом, как делала обычно. Только положила морду на колени и заглянула в лицо.

Пламя гудело в трубе. В такую погоду бог огня ненасытен. Красные блики озаряют помещение, скользят по замерзшему белому песцу, что висит на стене. Его есть нельзя. Песец взят на отравленную приманку. Если бы только его можно было съесть!

Человек отодвигает морду собаки.

— Убирайся, Магги. Ты смотришь мне прямо в совесть. Пойми же: иного выхода нет. В жертву надо принести тебя, другие собаки мне сейчас нужнее. Они сильнее и больше тебя. Ты умнее, гораздо умнее их, ты почти как человек. Но здесь, в Гренландии, это ничего не значит. Здесь не нужны собаки, способные думать. Собаки должны только работать и тянуть сани. Тут ценится лишь грубая сила, и твой ум ничего не весит. Слабый должен умереть, чтобы поддержать жизнь в сильных. Таков закон, Магги, бедняжка ты моя. Но подождем еще немного.

Он снова кладет ее морду на колени. Остальные собаки урчат в полусне.

— Дай-ка взглянуть на тебя, песик. Пусто будет без тебя малышка. На одном растопленном снеге далеко не уедешь. А теперь ложись, подождем до вечера.

Наступает вечер. Человек спит. Но его будят собаки. Одна из них, обнаружив под нарами старую обглоданную кость, принялась с ожесточением ее грызть.

Человек вскакивает, но затем вновь садится в спальном мешке на краю нар. Его знобит и подташнивает. От резкого движения бешено колотится сердце. Он рявкает на собак, они замолкают.

«Нет, так дело не пойдет, — говорит он себе. — Больше ждать нельзя. Пора».

Он зажигает стеариновую свечку и тянется за ружьем.

Трудно стрелять при таком скудном освещении. Но что поделать? Собака спокойно лежит у печки, там, где он оставил ее до того, как заснул. Скорее, нельзя тянуть.

Он нажимает на спуск, и маленькая избушка содрогается от грохота.

Потом он сидит словно в дурмане. Шум выстрела ошарашил его. Он протягивает руку, тянет к себе собаку. И неожиданно вздрагивает. Это не Магги! Поль. Один из самых сильных и глупых. Лучший работник в упряжке.

Магги он находит под нарами. Она лежит, вплотную прижавшись к стенке, уткнувшись головой в угол, позади других собак.

Собака жалобно скулит, когда он вытаскивает ее наружу. Потом вырывается и снова забирается под нары.

— Ну вот! — шепчет он. — Ты все поняла. Пока я спал, переменила место! Может быть, ум все-таки чего-нибудь да стоит даже здесь, в этой жалкой лачуге.

Два дня спустя человек сидит на земле, его заносит снегом.

Подкрепившись собачьим мясом, он почувствовал себя сильным и двинулся в путь, не дожидаясь конца бурана. Но не рассчитал своих сил и вскоре почувствовал слабость. Потом сбился с пути. Потерял направление и теперь брел наобум. Он шел много часов подряд. Стемнело, и человек совсем выбился из сил. Потом обо что-то споткнулся и упал, не в силах двигаться дальше. Лишь приподнялся, сел на снегу и почувствовал, как его сковывает дремота.

Человек сидит, повернувшись спиной к ветру. Его почти совсем замело, он похож на занесенный снегом камень. Сидит в полусне и замерзает.

Рядом с ним никого нет. Собаки умчались с санями. Магги, не желая покидать хозяина, лаяла и рычала, но собаки утянули ее с собой.

Уже поздний вечер и совсем темно. Человек замерзает. Но что это? Кто-то с жалобным воем скребет ему спину. Магги. Он ощупывает ее сквозь полусон. Собака перегрызла постромки, чтобы возвратиться назад, к нему.

Магги не оставляет его в покое. Царапает лапами. Рвет и тянет его одежду. Лает, поднимает страшный шум.

— Ложись! — напрягая последние силы, кричит он в бешенстве.

Но собака снова над ним. Вот она опрокинула человека навзничь. Он ползет по снегу, пытаясь ее схватить. Сонливости как не бывало, но слабость жуткая. Человек рыдает от злости и бессилия. Машинально, с трудом поднимается на ноги и бредет вслед за собакой.

— Подожди меня, — произносит он, всхлипывая, — только подожди...

Но Магги все время уходит в сторону. Пятясь назад, лая и виляя хвостом, она шаг за шагом увлекает человека за собой. Постепенно движения человека становятся все более уверенными, и Магги начинает медленно бежать впереди, то и дело поворачивая голову и оглядываясь.

Постромка волочится за собакой. Человек наступает на нее, хватает и наматывает веревку на руку.

— Марш вперед, Магги! — следует суровый приказ. — Я не знаю дороги, веди куда хочешь.

Взвизгивая от усердия, собака натягивает поводок. Она тянет человека, и он плетется за ней впотьмах.

Как долго брели они так и как далеко ушли? Этого человек никогда не узнает. Быть может, не так уж и далеко. Возможно, несколько километров, а то и всего две-три сотни метров.

Он только знает, что обо что-то споткнулся. Сани. Рядом с санями лежали остальные собаки. А там, чуть подальше — ну конечно же, это охотничий домик. Он вполз туда на четвереньках и стал на ощупь искать спички и свечи. Нашел лампу, дрова и уголь и множество всякой провизии.

Скоро в комнате стало тепло и запахло ароматным кофе.

— Магги, — сказал он, — мне кажется, я что-то припоминаю. Как-то не очень ясно. Но хорошо все же, что ты поменялась местами с Полем. Хорошо, что у тебя больше разума, чем у меня. Иди сюда, Магги!

Но собака свирепо урчала над костью и скалила зубы на хозяина.

Й. ЕВЕР

— Увы, лето позади. И надо вам сказать, летние приключения порядком утомили меня.

Но как только ваш друг Мюнхгаузен уселся у камина, чтобы собраться с мыслями, обложка книжки, в которой я живу, открылась, зашуршали страницы, и незнакомый голос то и дело восклицал:

— Конь на крыше?! Ха-ха-ха! Волк, запряженный в сани? Что за выдумки! Лисица на иголке? Вот чепуха! Волк наизнанку? Ну и ну!..

Вы догадываетесь, что я не выдержал и вскричал:

— Почему ты смеешься? Неужели ты думаешь, что здесь рассказана неправда? А если ты сомневаешься в этом, немедленно отправляйся в Клуб Почемучек. Там ты узнаешь, что каждое мое слово — чистейшая правда.

Судите сами, мог ли я после этого оставаться в старой книжке? Я немедленно покинул ее страницы — и вот я здесь.

— А дерзкий мальчик?

— Ах это вы, Айболит, друг мой?

— Да, да. Но где он? Ведь мальчик, очевидно, никогда не был Почемучкой, и при таких способностях, полагаю, ему не найти наш Клуб...

— Мальчишка исчез. Но мы найдем его во что бы то ни стало! За дело, друг мой! Меня осенила блестящая мысль.

— Слушаю и повинуюсь, о мудрейший из Почемучек!

— Мчитесь в библиотеку и узнайте, кто был тот дерзкий мальчишка?

— Лечу, о мой повелитель!

— А нам уж давно пора открывать заседание Клуба. Кто начинает, Айболит?

— Дай-ка мне слово молвить...

— Василиса Премудрая!

— Она самая. А сказать хочу про диво-дивное, чудо-чудное. Ни коня тебе не надобно, ни ковра-самолета: письмо в руки возьмешь — и разом в степи широкой побываешь и на синем море-

Рис. В. Карабута.

океане. За то низкий поклон ребятушкам, тем, кто письма шлет, рассказывает про края свои необъятные, красоты неописуемой. Вот письма эти первонаперво и послушаем.

Вечер на Воронке

Я очень люблю свой край. Как прекрасна его природа летним вечером на берегу реки! Ляжешь на траву и долго всматриваешься в небо. По нему плывут прозрачные облака. Но вот облака начинают розоветь. Это солнце клонится к закату. Только маленький краешек его хитро выглядывает из-за леса. Вода в реке успокаивается. Легкий ветерок слегка теребит ветви деревьев. Вот вода в реке стала изумрудно-зеленого цвета. Птицы устраиваются на ночлег. Все успокаивается. Только соловей заливается в лесу. На землю опускается ночь.

Речка, о которой я пишу, называется Воронка. Недалеко от нас находится Ясная Поляна, где жил Лев Толстой, а недалеко от нее и протекает наша Воронка.

г. Тула **ТАНЯ МАТРАЕВА**

Море, море...

Хорошо в вечерний час бродить по пустынному берегу моря! Ноги вязнут в песке, шуршат раковины от мягких ударов набегающих волн. С моря дует ветерок. Вечереет. Далеко-далеко на горизонте раскинулся громадный веер пурпурных лучей заката. Море дивно красиво в эти часы. Порой даже кажется, что оно такое тихое всегда. Нежно, под шум волн ласкает оно выветренные старые берега. И не верится, что море бывает другое — гневное, грохочущее, страшное, черное. Но даже в гневе своем оно прекрасно. И кто хоть раз побывал на Балтийском море, никогда уже не сможет забыть его.

Ленинград **ЭВЕЛИНА СУХОВЕЙ**

— О свет очей моих, получай бумагу!

— Хоттабыч! Неужели вы уже вернулись? Давайте же скорее записку. Я сгораю от нетерпения узнать имя человека, который сомневается в правдивости моих слов.

— Читай — оно написано здесь!

— Но что это за странные каракули?

— О, горе мне! Я так торопился, а на улице такой дождь! Он размыл буквы.

— Не отчаивайтесь, Хоттабыч. Почемучки помогут нам прочитать, что здесь написано. И не будем терять времени — заседание Клуба продолжается.

Взгляните на эту чудесную фотографию. Ее прислал в Клуб Почемучек кандидат биологических наук Николай Иванович Иголкин. И не могу ли я обратиться к детям с просьбой?

— Сделайте одолжение, Айболит.

— Не будут ли Почемучки так любезны прислать специально для меня фотографии о поведении своих четвероногих и пернатых друзей?

— Присоединяюсь к вашей просьбе, Айболит, и предлагаю послушать рассказ и посмотреть фотографию.

Наш гость Антей

Небольшая серенькая птичка, трепеща крылышками, поднимается высоко в воздух и затем, подняв крылья кверху, с пением опускается по наклонной на другое дерево. Уже здесь, сидя, она заканчивает свою звонкую трель. По своеобразной манере петь в полете в птичке можно узнать лесного конька. С небольшими перерывами веселые песни его раздаются над лесными полянами и в редколесье от восхода солнца до полудня.

Кормятся лесные коньки главным образом различными насекомыми — вредителями леса. Пищу отыскивают на земле в траве. И не так, как воробьи, прыжками, а бегом. Здесь же на земле в ямке под защитой кустика или хотя бы пучка прошлогодней травы, свешивающейся с кочки, устраивают коньки несложное, но очень аккуратное гнездо. Именно такое гнездо мы и обнаружили со студентами désinstitута, проходящими практику по зоологии в окрестностях города Томска. В нем был только что появившийся на свет птенчик — голый, слепой, совершенно беспомощный.

Недели через две, возвращаясь из очередной экскурсии, мы решили навестить гнездо. Как же мы были удивлены, когда увидели нашего старого знакомого неподалеку от гнезда почти взрослым и весьма привлекательным! Эта встреча была запечатлена в фотографиях. Вот что рассказал молодой лесной конек в своем фотоинтервью:

— Я рос в кругу братьев и сестер под

присмотром очень заботливых родителей. Развивались мы быстро. И это не удивительно. Родители прилетали к нам до 150 раз в день и всегда приносили то гусениц, то различных пилильщиков, то вредных жуков. Скоро гнездо стало тесным. И вот я на свободе. Мир удивителен! Однако порой было страшновато. Пугали разнообразные шорохи невиданных лесных обитателей. Любой из них мог повлечь за собой смертельную опасность. Хорошо еще, что родители не покидали нас, только что вышедших из гнезда, подкармливали. Но это делалось все реже.

Иногда было скучно в ожидании их прилета. Но что это? Появились какие-то огромные странные существа. Как они отнесутся ко мне? Решил: буду защищаться, и... что есть силы клюнул в руку. К счастью, люди не обиделись, предложили мне на обед мух, бабочек. А что, если попробовать? Это довольно вкусно.

Мы подружились. Мои новые друзья звали меня Антеем. Видимо, за хороший аппетит, а может быть, потому, что научное название лесного конька «Антус тривиалис»?

Но однажды, расправив свои окрепшие крылышки, вспорхнул наш любимец на куст, стоящий рядом с палаткой, посидел с минуту и полетел в лес. Мы очень сожалели, но не считали это предательством.

Где ты сейчас, маленький Антей?

Лесные коньки очень широко распространены — в Европе встречаются даже за Полярным кругом, а на востоке селятся до Енисея и Алтая. Эта маленькая и на первый взгляд невзрачная птичка весьма полезна. Она хороший защитник леса от вредителей.

— А теперь...

— Постой-погоди, что волшебное зеркальце сказывает, послушай. Мальчишка тот, кого ищем, в беду попал. В лесу заблудился, дороги не знает. Еды добыть не умеет. Как от дождя укрыться, не ведает.

— За дело, Почемучки! Необходима срочная помощь человеку, заблудившемуся в лесу. Как ориентироваться в лесу, разжечь костер, где найти съедобные растения? Свои советы направляйте в Клуб Почемучек.

— А что бы вы сказали, дорогой Мюнхгаузен, если бы услышали рассказ о том, как ловили змею на кукан?

— Кто этот находчивый охотник? Назовите же его скорей, Айболит.

— Это профессор Олег Павлович Богданов.

Гюрза на кукане

Григорий Васильевич Захаров по профессии шофер. Он вместе со мной принимал участие во многих экспедициях. Исколесили мы с ним всю Среднюю Азию, от Кушки до северных берегов Арала и от побережья Каспия до реки Или, прежде чем Григорий Васильевич решился поймать первую ядовитую змею. Его огромный страх к змеям на-

конец исчез, и он стал профессиональным змееловом.

Много различных невероятных историй случалось с нами за последние годы, но одна особенная.

Осенью 1969 года мы отправились на Туркестанский хребет наблюдать за собирающимися на зимовку гюрзами. Однажды с охоты Григорий Васильевич возвратился невеселый. «Подумайте, — повторял он, — третий раз подкрадываюсь к огромному обломку скалы, под которым на солнцепеке греется большая гюрза, а она успевает шмыгнуть в щель. Там, наверное, зимовка, но камень не сдвинешь никаким домкратом. Ничего, завтра я ее буду караулить с самого утра».

В полдень змееловы вернулся расстроенным. Змея опять выскользнула из его рук. Ничего не говоря, он вытащил из мешочка живую туркестанскую агаму, лукаво улыбнулся, перевязал ее талию толстой суровой ниткой и вновь отправился к злополучному камню.

Такой способ ловли змей еще никем не применялся, и я не верил в успех. Тем не менее на следующий день мы вдвоем карабкались по крутому склону к необыкновенно осторожной гюрзе. Гюрзу удалось заметить на значительном расстоянии, когда мы были еще метрах в пятидесяти от камня. Она шевелилась. Я хотел немедленно побежать к змее, но Григорий Васильевич остановил меня. «Змея только глотает ящерицу, — сказал он. — Покурим и пойдем к ней тихонько». Но мы ошиблись. Оказывается, гюрза проглотила агаму, а потом отрыгнула ее. Через пять минут, как говорится, змеи и след простыл. На земле валялась мертвая измусоленная ящерица. Сидела гюрза на кукане, да только мы немного замешкались. Так и осталась она под тем большим камнем, став еще более осторожной.

— Кхе-кхе-кхе... Вот он я.

— Лесовичок? Скажи-ка, поведай, что тебя сюда привело, лес покинуть заставило?

— Аль не догадалась, Василиса Премудрая? Свой портрет увидеть хочу — тот, что было велено ребятишкам прислать. Что, прислали, не знаешь?

— Как не прислать? Прислать-то прислали, да как тебе показать его?

— Больно нехорош, что ли?

— Эка чего выдумал! Да один краше другого. Только не все еще прислалы. Просили погодить, тебе не показывать, пока все не пришлют.

— Погожу, погожу. Куда мне спешить-то? Я ведь ребятам еще и просьбу лесную принес от Валерия Григорьевича Баркова.

Кто больше любит свет?

В сосновом бору под старыми соснами часто растут молодые елочки и поодиночке, и целыми куртинками — зеленые, веселые! Видно, чувствуют они себя здесь очень хорошо. Но прошло пятьдесят лет. Елки поднялись, а сосны состарились. Пришло время их вырубать. Елка вытеснила сосну, захватила ее территорию.

А приходилось ли вам видеть молодые сосенки в еловом лесу? Наверное, нет. Если и встретишь какую-нибудь беднягу, так она чахлая, с редкой хвоей и прироста почти не дает. В чем дело? Елка — теневыносливая древесная порода, она может расти и под пологом леса, а сосна светолюбива, ей подавай яркое солнце, а то зачахнет. Вот и селится ель не только под соснами, а и в березняке, осиннике, в дубраве. Ей даже так удобнее: под деревьями меньше сорняков, солнце не так палит, и в мороз теплее. Выходит, другие деревья ей даже помогают расти. А она со временем вытесняет своих благодетелей и даже спасибо не говорит. Такой уж порядок в лесу.

Но не подумайте, что сосна совсем обижена природой. Она может расти на разных почвах — и на сухих песках, и на болоте, и на камнях. Если вы бывали в Крыму или на Кавказе, наверное, видели сосны на голых скалах. Отсюда их уж никто не вытеснит. Сосну встретишь и на севере, и на юге. Она умеет запускать свои корни глубоко в почву, не боится ветра и растет смолоду гораздо быстрее, чем елка.

Но бывает, что и светолюбивая сосна боится солнца. Так, в астраханских и волгоградских засушливых степях молодые сосенки приходится сажать под защитой вяза мелколистного, иначе они погибнут от жаркого южного солнца. Выходит, в лесу нет единых правил, все здесь зависит от климата, почвы, влажности, рельефа.

Интересно, как ведут себя деревья в вашем лесу, какие из них светолюбивые и какие теневыносливые, как они уживаются в своем лесном сообществе. Понаблюдайте и напишите нам.

— А теперь... Теперь выслушайте очередную загадочную историю. Ее сообщит нам доктор биологических наук Мина Николаевич Лозан.

Случай с рыжими цаплями

К этим птицам я был всегда равнодушен — впрочем, так же, как и они ко мне. Возможно, такое отношение к рыжим цаплям сложилось у меня потому, что они не так уж красивы, держатся обособленно, никогда друг с другом не играют. Казалось, цапли знают лишь одно: как схватить одним махом клюва приплывшую рыбешку или же застывшую от ужаса лягушку, которая из-за своей близорукости перепрыгнула на широкий лист водяной лилии, поближе к своему врагу. Правда, известно, что цапли никогда не подпускают близко человека с ружьем.

Но мне не приходило в голову, что эти птицы способны в случае опасности быть чрезвычайно храбрыми, преданными и находчивыми.

Как-то летом в экспедиции один мой товарищ, орнитолог, попросил отстрелять две цапли для зоологической коллекции. Я обещал ему выполнить просьбу.

В тростниковых зарослях было спокойно, лишь пение камышевок, пискливый крик чомг и возня уток нарушали тишину. Я проворно орудовал то биноклем, то фотоаппаратом, записывая наблюдения в дневник.

Вдруг я заметил, что на берегу сплавины соседнего плеса неподвижно стоят две цапли. Вспомнив о своем обещании, зарядил оба ствола ружья и стал тихо приближаться к ним. Не знаю, легкий ли шум лодки или что другое повинно, но одна из птиц заметила меня, подняла голову вверх так, что слилась с тростником. Затем сильным взмахом крыльев поднялась в воздух и улетела. Вторая же, не обнаружив опасности, продолжала стоять на том же месте. Я расположился поудобнее, поднял ружье и стал прицеливаться. И тут увидел, что ушедшая цапля, повернув обратно, летит прямо в мою сторону. Такой редкий случай неосторожности в поведении птиц заставил меня опустить ружье. Цапля резко опустилась, громко каркнула, и птицы полетели низко над водой в противоположную от меня сторону.

С радостью я провожал взглядом удаляющихся птиц и с тех пор никому не обещаю отстреливать рыжих цапель.

— Да, что ни говорите, а находчивость — великая вещь! И, как вам известно, меня она не покидала никогда. Без единой пули в стволе ружья я однажды подстрелил семь куропаток.

Итак, наше заседание подходит к концу. Осталось лишь задать вам очередное «почему», на которое следует прислать ответ в течение месяца.

До сих пор я не знал, что пауки любят слушать музыку. Сидел я как-то летом на крыльце и разучивал на гармошке песню. Смотрю, приполз паучок. «Может, он, — думаю, — слушает, как я играю?» Перестал играть. Паук вдруг побежал куда-то в сторону. Тут я заиграл снова. И тогда паук, к моему удивлению, остановился. И так повторялось несколько раз.

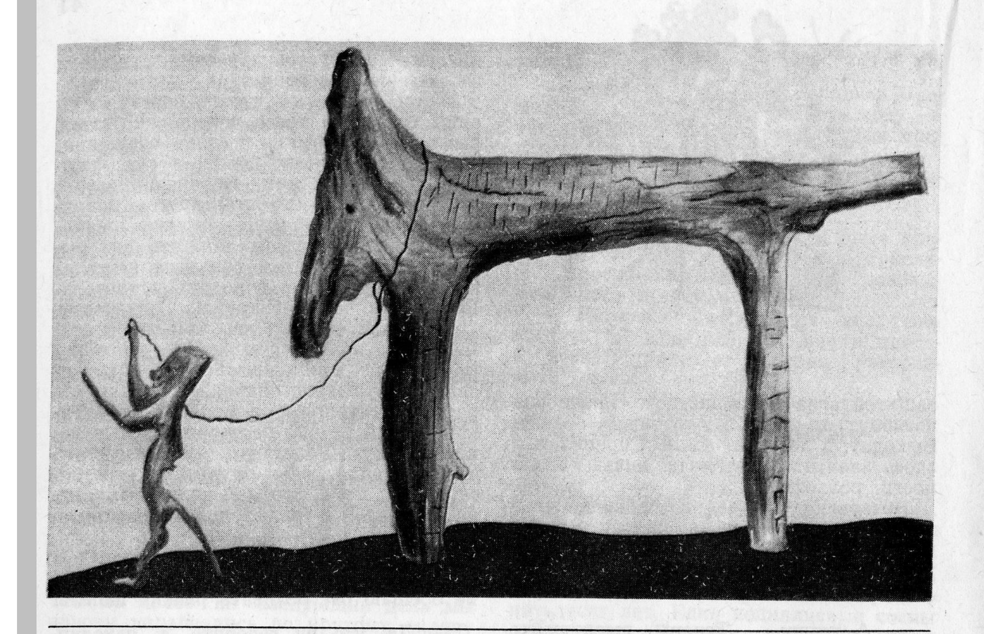
Этот случай заставил меня обратиться к вам. Напишите, пожалуйста, действительно ли паук любит музыку?

Мамадышская школа Татарской АССР **РАФАИЛЬ ВАЛЕЕВ**

— Однако на страничках нашего Клуба почти не осталось места. Пора заканчивать заседание.

— Но вы, Мюнхгаузен, так и не сказали, кто был этот мальчишка.

— О, я и не скажу об этом сегодня. Надо сначала найти незнакомого дерзкого мальчишку. И я жду сообщений Почемучек. Желаю успеха, друзья! До встречи в октябре!

СТАНЬ ТЫСЯЧА ПЕРВЫМ!

Они подстерегают человека всюду, в самых разнообразных и неожиданных местах: выглядывают из-под замшелых пеньков и лесного бурелома, прячутся в изгибах красно-рыжих сосновых ветвей, поднимают рогатые пучеглазые головы из неподвижной тины лесного болота. А некоторые таятся в прибрежном морском песке, где ветер и соленые волны приливов и отливов долгими годами оттачивают их причудливые и нередко очень забавные фигурки.

Их очень много. Говорить они не могут, но молча настойчиво зовут, притягивают к себе, без слов просят улыбнуться им.

Тысячи людей пройдут мимо — и не заметят. Но тысяча первый остановится, пораженный необычной формой, казалось бы, совсем нехитрого елового корня или березового сучка. И если увидит в этом сучке одного из них, молчаливо зовущих, то, оглядевшись, непременно обнаружит поблизости и его товарищей, попрятавшихся за пеньки и кочки. И человек невольно ахнет от восторга.

И тут ему конец. Если только он любит природу и сумеет внимательно вглядеться в то, что его окружает, — неисчерпаемое количество неожиданных чудес раскроется перед его глазами. И все они — эти лесные чудаки, гномы, ведьмы, плясуны, странники, сказочные звери и птицы, каких нет ни в одном зоологическом атласе, — окружат его таким плотным кольцом, что тысяча первому будет уж никак не выбраться из их плена на свободу. Но об этом он не пожалеет: человек, прикоснувшийся однажды к миру лесных чудес с их незабываемым ароматом хвои, березового листа и свежей соломы, очень часто превращается в «коряжника».

Такого слова в словарях нет. Оно выросло из самой жизни, родилось в процессе работы энтузиастов — самодеятельных художников над лесными корягами, как мы условно называем корни, ветки, сучки, пеньки и другие куски древесины.

Моя первая встреча с ними, со всеми этими мохнатыми, рогатыми и хвостатыми, произошла на берегу Беломорья, в лесных чащах Кольского полуострова. Неподалеку от Кандалакши, в конце длинного узкого залива стоит на скалах небольшая поморская деревня Колвица. Там на крутых утесах растут сосны, овеянные заполярными бурями, уходящие корнями в гранитную толщу, перевитые, перекрученные метелями и морскими ветрами и потому твердые, как деревянный мрамор. Там стоят узкие стройные северные ели с причудливыми извивами железно-крепких ветвей. Северные березки в молодости изгибаются там и заламывают веточки, словно поднятые к небу руки, а в старости покрываются поверх бересты мохнатой древесной шерстью и обрастают по стволам серыми грибами. Колючий можжевельник тянет по лесным кочкам свои разветвления, как лапы причудливых подсвечников, а поверх прибрежных валунов стелется ковром густая поросль северной ягоды — вороники.

Вот среди всех этих сосен, елей, корней и веток на темно-зеленой кочке и лежал Он — лохматый, курносый, весело и дружелюбно глядевший на меня из-под копны растрепанных волос-корешков. Это была законченная, завершенная деревянная статуэтка лешего, созданная самой природой. Ее надо было только поднять с кочки и прикрепить к подставке!

А дальше пошло!.. За первым лешим вскоре появился его товарищ с лихо закрученным хвостом. За ним — Чудо-юдо из ветки большой старой ели. Потом толпой, перегоняя друг друга, на мой рабочий стол полезли из лесу козлы, олени, змеи, прибежал рыжий гном, вкусно пахнувший сосновой смолой, притащилась Баба Яга из елового корня и чудесно дополнила собравшуюся веселую компанию.

Все это явилось из лесу. Но не менее щедрым оказалось и море, которое подходит к самому подножию колвицких скал. На теплом прибрежном песке отлив то и дело оставлял сучки, корни и различные лесные обломки, приплывшие в залив с разных концов Беломорья. Надо было подобрать их, вычистить, высушить. И тогда оказалось, что море подарило мне необыкновенной формы сучок с сидящим на нем филином, танцующую корову, высокого верблюда со стоящим возле него арабом и много других диковин.

А неподалеку от морского берега в лесу мне как-то открылось небольшое болотце с десятками давно иссохших маленьких сосенок. «Коряжник» никогда не поднимет руку на живое дерево, но эти сосенки все равно уже погибли. Не поискать ли диковинок и под землей?

Первый же выдернутый из болота стволик открыл заманчивые перспективы: на конце его был целый пучок растрепанных корешков. В их хаосе виднелась фигурка танцовщицы, вертевшейся на одной ножке. За первой фигуркой последовала вторая, за второй — третья. И все они, освобожденные от путаницы лишних, окружавших их отростков, плясали, скакали, размахивали руками или хвостами. Так на болотном сухостое познакомилась я с тайнами подземной лесной скульптуры.

Деревенские ребятишки часами простаивали у моего крылечка, рассматривая диковинные фигурки.

— И все это в лесу живет? — спросил как-то шестилетний Сережа, недоверчиво разглядывая косматую Бабу Ягу из елового корня.

— Да, в лесу.

— А почему мы их не видим?

— А ты посмотри хорошенько — и увидишь. Они сразу не показываются, их разглядеть нужно!

На следующий день ребята с восторгом притащили мне сучок-змею, корешок-аиста и обломок, напоминавший очертаниями курносого щенка.

— Вот, глядите, тут у него морда, тут лапы, тут хвостик, — увлеченно показывали они мне свои находки.

Я повернула «щенка» другим боком: перед нами внезапно оказалась голова птицы.

— Вот это да! Ворона!.. — изумленно воскликнул кто-то из мальчиков.

— Верно, молодец! Умеешь не только смотреть, но и видеть. Кого же мы из этого сучка сделаем?

Общественное мнение все-таки склонилось в пользу щенка. И с того дня у меня появилось в Колвице немало последователей — юных «коряжников». Лесные находки возбуждали внимание ребят, развивали в них наблюдательность, желание сделать интересную, красивую, а главное, очень самобытную, оригинальную вещицу, украсить ею свое жилище.

Отыскать красоту, созданную природой, вынести ее на поверхность, показать и отдать людям, услышать их радостную благодарность — какое это дает глубокое душевное удовлетворение!

Родная земля, родной лес. Родина, встающая из показа ее природных богатств и красоты, — вот что видит зритель в таких работах. А это много.

— Смотрите! До чего необыкновенно! До чего хорошо!..

Это восклицает не зритель, не сам «коряжник». Это восклицают без слов природные деревянные скульптуры на выставках. Это без слов повторяет каждое дерево, каждый куст в лесу.

Тысячи людей проходят мимо — и не слышат. Но тысяча первый останавливается, пораженный, и широко раскрывает глаза: он увидел!

И ты, юный читатель, не будь одним из тысячи. Будь, непременно будь тысяча первым!

Н. КОЛПАКОВА

ЦВЕТОК ЗЕБРИНЫ

Стоял август, последний летний месяц. Для всех еще были открыты радости лета. Мне в этом было отказано. Болезнь надолго уложила в постель. Четыре стены, кровать и солнечное, на юг, окошко — вот и весь мой мир на многие недели. Да кустик традесканции, подвешенный в декоративной корзинке поближе к окошку на противоположной стене.

Традесканция... Кто не знает это обыкновенное и даже уже надоевшее комнатное растение со свисающими, хитро переплетающимися плетями! Из-за них в народе дали традесканции еще одно название — «бабьи сплетни».

Традесканция стала для меня как бы полпредом зеленого мира. С полпредом следовало познакомиться. Взяла справочники, узнала: традесканции — это многолетние травы родом из тропической Америки. Всего их около девяноста видов, но в комнатах выращивают чаще всего белоцветную — с ярко-зелеными листочками, и полосатую, или зебрину.

У меня зебрина. Она жила сама по себе. С удовольствием принимала обильную поливку и удобрение, тянулась к свету.

Но однажды под вечер, когда последние солнечные лучи освещали комнату, взглянув случайно на зебрину, я увидела на верхушке одного из побегов словно бы огонек. Сначала показалось, что это солнце высветлило так яркий листок. Нет, солнце ушло, огонек остался. Это был цветок. Маленький, алый, он уже сложил лепестки, не дав рассмотреть себя. Оставалось ждать следующего утра. Видно, цветок из тех, что закрываются на ночь, чтобы утром раскрыться снова.

Утром он не раскрылся. Лепестки сморщились, почернели. Цветок закончил свою мимолетную жизнь. Но вместо него из той же пазухи двух верхних листьев, как из «фунтика», выглядывал острый розовый носик нового бутона. «Хорошо, — решила про себя, — теперь уж не пропущу, послежу за ним по часам». Стрелка на часах показывала семь утра.

Бутон рос, набухал. К девяти часам стал похож на толстый розовый бочоночек, к десяти начал раскрываться, а еще через полчаса три ярко-малиновых лепестка широко распахнулись навстречу солнцу. Над лепестками возвышались тоненький пестик и шесть легких тычинок, похожих на серебряные молоточки на ниточках-ножках. Маленький, величиной не больше копеечной монеты, цветок был очень хорош. Так, по крайней мере, мне показалось. Ведь он был единственным возле меня — полпред всех цветов мира.

Его визит оказался коротким. Уже через полчаса лепестки приподнялись, а после двух часов дня стали быстро смыкаться. Вскоре цветок закрылся. Навсегда.

Текли дни за днями. Зебрина все из того же щедрого «фунтика» посылала один за другим цветки-огоньки. Они появлялись в точно назначенный час сначала ежедневно, потом, ближе к осени, через день. Я заранее ждала их. Завела специальный лист бумаги, где отмечала каждый цветок. Хотелось узнать, сколько же может дать цветков один тоненький побег!

Пришла осень, за ней зима. Зебрина продолжала цвести. Правда, сил у нее заметно убывало: видно, не хватало света. Цветки стали появляться все реже: через несколько дней, а то и раз в неделю. Раскрывались все позже и с трудом, быстрее закрывались.

21 декабря раскрылся последний на этом побеге цветок. Тридцать седьмой по счету! Вот какая сила оказалась в крохотной листовой обвертке, которая и сама-то величиной с кедровый орешек. Однако цветение зебрины на этом не кончилось. Еще в начале декабря на другом побеге замелькала новая цепочка «огоньков».

Здоровье мое восстановилось. Теперь у меня множество всяких дел. Но я нет-нет да и посижу с зебриной, моим другом, победецую. Она уже много порассказала о себе интересного.

Я стараюсь разобраться, для чего понадобилось зебрине так растягивать свое цветение? И кажется, нахожу ответ, вспоминая о ее землячке — орхидее. Королева цветов славится не только красотой и тонким ароматом. Она знаменита и тем, что цветки некоторых ее видов не увядают целый месяц. Почему? В гуще тропического леса даже такой красавице, как орхидея, нелегко заманить к себе насекомых или крохотных колибри, которые опылили бы цветки. Что же говорить о Золушке джунглей — традесканции! Где соперничать ее маленьким цветкам с роскошными тропическими цветами! Вот и приходится, набираясь терпения, без конца посылать, как сигналы, один за другим цветки-огоньки.

Наверное, и это не всегда выручает. Бабочки и мушки могут так и не заметить сигналов традесканции. Что тогда? Маленькая травка не сдается, она продолжает борьбу за свою жизнь и за жизнь своего потомства.

Трудная жизнь у слабой травки в сутолоке тропического леса, где каждый спешит захватить себе место под солнцем. Традесканция свисает с дерева, где селится на гнилушках, мхе или стелется по земле. Далеко иной раз приходится тянуться или шарить по земле гибкими стеблями в поисках свободного места. Как только найдет, прижмется коленцем и сейчас же выпустит корешки, утвердится на новоселье. Укоренившаяся верхушка начнет самостоятельную жизнь, поползет дальше. Если даже оторвется кусочек стебля и упадет в неподходящем месте — на камень или пень, — все равно не погибнет. Будет терпеливо ждать, перенося голод и жажду, не столкнет ли кто-нибудь случайно на землю, где он сейчас же выпустит корешки.

Так и цветками-сигналами, и живучестью стеблей борется традесканция за свое место на земле. В комнатах нет, наверное, цветка покладистее и уживчивее ее. Самых нерадивых хозяев терпит, живет в таких условиях, где ни один другой цветок не выдержит. А уж если пожалеть, поухаживать, благодарно отплатит веселой зеленью, яркими цветками-огоньками.

Вот о чем рассказала, подружившись со мной, маленькая тропическая травка. Рассказала не все. Может быть, вы, ребята, включитесь в наш разговор! И поведаете нам о ее других секретах. Кто знает, на какую общую длину могут вырасти при хорошем уходе все стебли свисающей белоцветной традесканции за год, то есть как далеко может пропутешествовать эта травка! Или: сколько же всего цветков-огоньков на своих стеблях даст одна зебрина! Сколько самостоятельных зебрин можно получить от одной, разделив ее на самые маленькие, способные к жизни части! Напишите о своих наблюдениях.

В. ВЕТЛИНА

Ежик-москвич

Однажды в лектории Московского зоопарка для ребят читали лекцию на тему «Вредные и полезные животные». Когда дошла очередь до ежика, ассистент вынул его из корзины и передал в руки лектору. Ежик спокойно уселся на прижатых друг к другу ладонях, повел носом, несколько раз перевернулся. Но лектор вдруг прервал свой рассказ и, объявив перерыв, быстро ушел за кулисы.

Что случилось? Когда взяли ежика, на ладонях у лектора остался крохотный, голенький, едва шевелящийся комочек. Ежиха принесла потомство. Так впервые нам удалось увидеть новорожденного ежонка. Стоять он не мог и только неуклюже кувыркался. Рассматривая кроху, мы обратили внимание на маленькие бугорочки — бородавочки, расположенные на верхней части его тельца. Что это такое? Ежиный секрет раскрылся сам. Бугорочки стали лопаться, и из них выросли маленькие иголочки. Они были прозрачными, острыми, но мягкими. Так мы узнали, что ежата «вооружаются» иглами уже на первом часу своей жизни. Ежонка я взял к себе домой на воспитание.

В квартире он освоился быстро. В первый день спать не ложился, а выбирал укромное местечко, обнюхивал все своим подвижным носиком-хоботком, фыркал, ворчал, а потом облюбовал местечко под диваном. Там было жестко, и ежонок решил устроить себе постельку. Смотрю, топает из кухни и тащит какую-то тряпочку, стащил у бабушки, и мигом под диван.

Днем ежик обычно спал и появлялся только к вечеру. В это время у него был завтрак. Любил он кусочки сырого мяса, котлеты, но особенно мучных червячков, а летом — жуков и кузнечиков. Не прочь был отведать колбасы, сыру, яблока. Чай не пил, зато молока мог вылакать целое блюдечко.

Устроил я ежику домик. Думаю, прекратит проводить свои «субботники» по очистке квартиры. Нет, домик ему понравился, а тряпочки, веревочки, обрывки бумаги ежик продолжал коллекционировать.

Ел ежик много. Вот его примерное дневное меню: мясо — 75 граммов, молоко — 100 граммов, хлеб белый — 25 граммов, рыбий жир — один грамм, костная мука — один грамм, червячки, насекомые—5—10 граммов.

Когда наступила осень, ежик заметно начал проявлять беспокойство, много бегал, что-то искал, обследовал все уголки, собирал, что удавалось найти на полу или утащить незаметно. Он реже появлялся в комнатах, меньше ел и много спал. Наступила пора зимней спячки. Я перенес ежиное гнездо в самое прохладное, но без сквозняков, место квартиры, к балкону. Там он и зимовал. Недели две спит, потом дня два бодрствует, поест, попьет молочка и опять на боковую.

В начале марта, когда уже пригрело солнышко, мой ежик покинул зимнее убежище. Так и текла его жизнь. Хотел я отпустить питомца с иголочками на свободу, но не решился. Он ведь не привык к дикой жизни, не приспособился к обитанию в лесу, изнежился в домашних условиях. И стал ежик москвичом.

Но стоит ли, ребята, «прописывать» в Москве, Ленинграде, Горьком, Свердловске, Минске, Тбилиси и в других городах и селах нашей страны колючих жителей, стоит ли ловить их и содержать в неволе? Нет! И вот почему.

Ежи уничтожают массу вредных насекомых и их личинок, гусениц, мышей полевок и других грызунов. Пусть живут на свободе!

И. СОСНОВСКИЙ

Филька

Снегирь Филька прожил у нас довольно долго — около восьми лет. Характер имел степенный, попусту не суетился. Хотя он был почти ручным, садился на руки, брал семечки, но особых вольностей по отношению к своей особе не позволял. Когда его приходилось брать в руки, чтобы, например, обрезать быстро растущие коготки, он пищал, шипел и больно щипал пальцы своим толстым клювом.

Филька умел беззаботно спать в самых трудных условиях. Смотришь, вечером включены все лампочки в люстре, по соседству с клеткой громко играет магнитофон, а снегирю хоть бы что! Сидит на жердочке, распушив перья, упрятав голову под крылышко, и спит.

Днем Филька тоже был не прочь вздремнуть. А в свободное ото сна время щелкал семечки, прыгал по жердочке (это у него получалось ритмично: три прыжка влево, три — вправо, и снова в прежнем порядке) или пел свою незатейливую песенку. Последнее он проделывал с наслаждением, но только в одиночестве; в крайнем случае если в комнате было тихо и никто не шевелился. Песня обычно начиналась скрипом. Проскрипев несколько раз, Филька вдохновлялся и испускал легкий свист. Пел он всегда негромко, «про себя», а потом начинал прыгать по жердочке по раз и навсегда заведенной программе в три прыжка. «Пошел отбивать чечетку», — смеялись мы.

Вне клетки любимыми местами Фильки были швейная машина и алоэ. Иной раз его ищем, а он себе сидит на решетке машины и помалкивает, поблескивая черными глазками. Алоэ Филька любил клевать. Сядет на листочек и отщипнет колючку. Прожует ее и берется за следующую. Хотя он съедал всего лишь несколько кусочков в день, но бедный цветок едва успевал отрастать.

Страстью Фильки было купанье. Заметив, что ему несут воду, он оживлялся и с нетерпением порхал по клетке. Купался с упоением, так, что в блюдечке не оставалось ни капли воды, а на нем ни одного сухого перышка. Вид его был тогда крайне уморительным. Вместо пышного красногрудого красавца в клетке сидело настоящее чучело. Если воду наливали только в поилку, он ухитрялся использовать ее всю даже оттуда, поливая грудку, смачивая голову. Купался Филька всюду, куда ему ставили блюдце с водой.

После купанья снегирь блаженно чистил и расправлял перышки. Трепыхал крыльями, стряхивая капли воды. Потом нахохливался и дремал спокойно и долго, изредка озираясь по сторонам.

Известно, что снегири — зерноядные птицы. Филька одинаково охотно клевал ягоды можжевельника, рябины, шелушил султаны конского щавеля, щелкал семечки подсолнечника, очень любил семена редиса. Интересно он обращался с крылатками ясеня: брал в клюв их за семечко и языком начинал быстро и ловко перебирать за крылышко, пока не добирался до края. При этом все происходило иногда так быстро, что крылатка крутилась, как пропеллер. Такое занятие, очевидно, доставляло большое удовольствие Фильке, так как в общем-то вышелушить семечко он мог за несколько секунд, а забавлялся подолгу.

Как ни странно, Филька оказался страстным любителем комнатных мух, комаров и пауков. Это обнаружилось случайно, когда снегирь, заметив на стене муху, вдруг заметался по клетке, не спуская с нее глаз. Насекомое словили и дали ему. Филька с писком схватил муху и мгновенно управился с ней. С тех пор его регулярно кормили мухами. Заметив, что кто-нибудь поймал муху, он резво прыгал по клетке, пока не получал добычу прямо из рук. А комаров он ловил самостоятельно. Делал это так. Вечером в комнате всегда оказывалось несколько кровопийц. Они рассаживались на потолке или на стенах. Стоило включить свет, как Филька взлетал и ловко хватал комаров.

А. ЧИРКОВ

Машка и Мишка

Принесли их мне весной совсем маленькими, не больше кулака взрослого человека. Зверьки были красивыми, с черными блестящими, как бусинки, глазами и шерсткой будто из лоскутков красного, черного и белого цветов. Они испуганно жались друг к другу, сердечки их колотились с бешеной скоростью.

Для новоселов была сделана клетка, на одной из стенок мы пристроили кормушку и поилку из консервных банок.

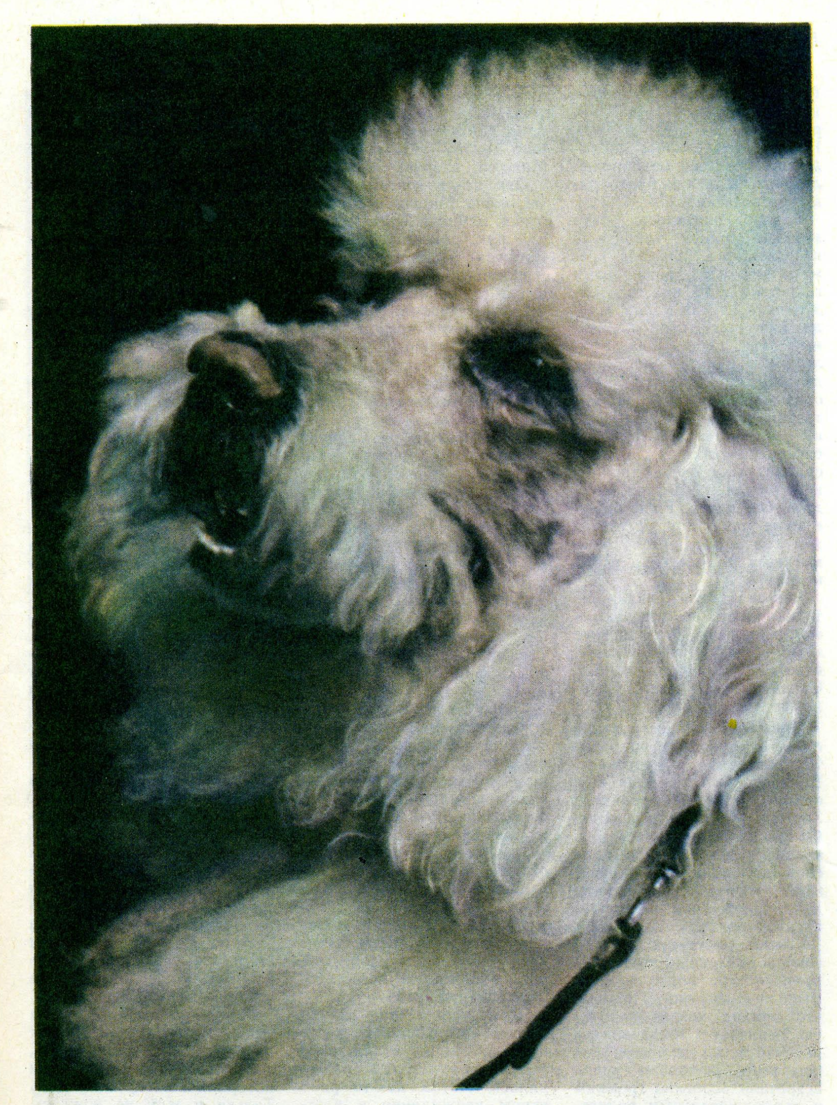
Вскоре наши квартиранты освоились с новой обстановкой, перестали бояться, но внимательно следили за всем происходящим в комнате. Стоило сделать резкое движение, как зверьки начинали метаться из стороны в сторону.

У свинок оказался отменный аппетит. Помидоры, огурцы, свекла, морковка, зеленая ботва от овощей — все это быстро перемалывалось острыми зубами. Лакомые кусочки они всегда отнимали друг у друга короткими резкими рывками. Владелец кусочка никогда не возражал, когда у него отбирали еду. Так какая-нибудь морковка,

(Продолжение на стр. 50.)

Кошка и собака. Мы уже привыкли к своим четвероногим друзьям, живущим в наших домах. Порой удивляемся, когда становимся свидетелями давнишней их неприязни друг к другу. Только такое чаще встречается на улице. Лай собаки, шипение и воинственный оскал кошки, конечно, в конце концов спасение бегством на телеграфном столбе или на дереве. Бывает так. Но сколько есть примеров искренней дружбы этих животных! Живут в одном доме, не бранятся, не дерутся. Порой даже блюдце кошки и миска собаки стоят рядом.

Посмотришь на пуделя и невольно подумаешь: слишком он уж нежный. Но первое впечатление обманчиво. В действительности собаки эти сильны и выносливы. Пуделя смело можно брать в самые дальние прогулки. А как он отыскивает и приносит хозяину предметы! Недаром во Франции и Англии пудели успешно охотятся на уток. Что ж, собаки оправдывают свое название. Ведь оно произошло от английского слова «плавать».

прежде чем была съедена, несколько раз переходила изо рта в рот. Но все это делалось добродушно, без тени недоброжелательства, а как будто ради развлечения.

Вскоре оказалось, что морские свинки удивительно болтливы. Они все время лопотали различными голосами. Для каждого отдельного случая у них всегда находился свой особенный звук, свое слово. Брали их в руки — один крик, давали еду — другой, еда оказывалась вкусной — третий, разлучали на минутку — четвертый. И так до бесконечности. Кстати, свинки были очень дружны и не могли и минутки жить друг без друга. Если брали в руки одну, другая тотчас же начинала беспокойно метаться по клетке и громко звать.

Разговаривали свинки не только днем, но и ночью; и мне казалось, что ночные звуки были особенными, непохожими на дневные. Спали зверьки мало, урывками.

Днем свинки оставались одни. Мы уходили на работу, квартира пустовала. Впрочем, был у нас еще один жилец — спаниель Зорька. С собакой свинки быстро подружились, и, когда она засовывала свой нос в клетку, животные мирно обнюхивали друг друга, почти соприкасаясь носами.

Самая любимая еда — сочная зеленая трава — приносилась после работы. Зверьки быстро поняли, что приход хозяев квартиры означает появление и вкусной еды, и звук открываемой ключами двери встречали особенно громким и продолжительным радостным кличем.

Через месяц свинки выросли, изменились. Изменился и их характер. Одна из них стала ворчливей, смелее, настойчивей, голос ее погрубел. Другая оставалась боязливой, нерешительной, с нежным, воркующим, тонким голоском. Первую свинку мы прозвали Мишкой, вторую — Машкой.

Они стали совсем ручными, наши Мишка и Машка, очень любили брать корм из рук, щекоча ладони мягкими пушистыми мордочками. И мы так привыкли к нашим зверькам, что уже вошло в привычку после работы прежде всего проведать наших питомцев.

Клетка со свинками стояла на табуретке. Передняя стенка ее была открыта. Но свинки и не пытались бежать. Как-то я сделал зверькам небольшую лесенку и прислонил ее к клетке. Лесенка не понравилась свинкам. Они долго и напряженно ее изучали. Зато забираться по ней с пола в клетку они научились моментально. На прогулки же по комнате выходили очень неохотно, после долгих раздумий и попыток. Такими уж они были необыкновенными домоседами.

Скоро клетка зверькам показалась маленькой, и я заказал большую железную, со съемным деревянным дном, под которым находился выдвигающийся жестяной противень. Теперь ухаживать за свинками стало легче. В новой клетке Мишка и Машка очень полюбили один уголок. Там они ложились на бок, потягивались, переворачивались на спинку, всем своим видом выражая удовольствие, мурлыча и по-особенному похрюкивая.

Через три месяца свинки совсем выросли, а через полгода Машка стала шире Мишки, растолстела, разленилась. Потом как-то рано утром неожиданно в клетке, кроме Машки и Мишки, оказалось еще четыре крохотных пушистых разноцветных комочка, сверкающих бусинками черных глаз. Маленькие свинки шустро носились по клетке, ели траву, сосали молоко матери, громко пищали и вели себя так, будто давно уже жили в клетке и вполне освоились с нею. Разнообразный и сложный язык сигналов им уже был хорошо знаком. Замечательные детеныши! Им не надо было учиться ни бегать, ни говорить!

Внезапное появление маленьких свинок, да к тому же таких шустрых и говорливых, нам показалось прямо-таки чудом.

Как мне хотелось записать их разговор на магнитофон! Но в городе эта затея оказалась невозможной: то заворчит холодильник, то раздастся бой часов, то задрожат стекла от пронесшегося по улице грузовика.

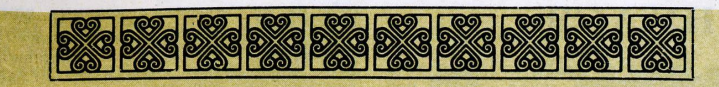
Наших зверьков прозвали морскими за то, что они были привезены в Европу из Южной Америки, как тогда говорили, «из-за моря». Вначале их и называли «заморскими».

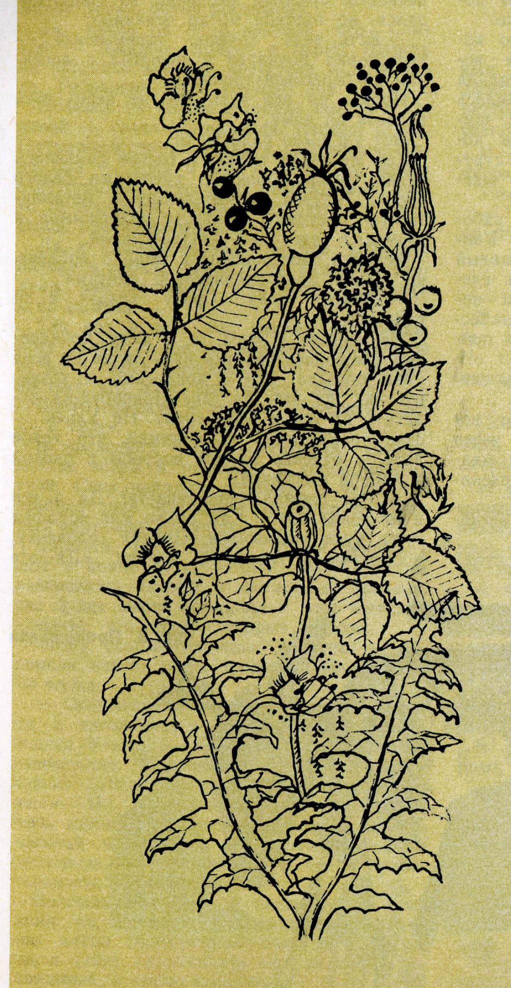
Родина морской свинки — Перу. Там до сих пор живет ее дикий предок. Жители страны инков до вторжения испанцев имели высокую культуру и с большой любовью занимались разведением животных. Инки и сделали морских свинок домашними задолго до прибытия в Америку Колумба.

Много столетий морских свинок используют как лабораторных животных для самых разнообразных опытов. Наука очень обязана этим тихим и миролюбивым зверькам, терпеливо и безропотно выносящим на себе тяжелые эксперименты.

За окном уже осень, а наши свинки-южане живут в тепле. Им безразлично, когда наступит зима, они потеряли счет времени года. Только я жду не дождусь, когда снова наступит лето, хочу увезти своих питомцев за город и там записать разнообразный язык их сигналов и расшифровать его.

П. МАРИКОВСКИЙ

Дорогие юные друзья!

Постарайтесь использовать каждую свободную минуту на поиск чудесных растений-целителей. В сентябре особенно ценны созревшие плоды бузины черной, можжевельника обыкновенного, боярышника кроваво-красного, шиповника иглистого и др.

А разве можно упустить время сбора целебных корневищ аира болотного, большеголовника (левзеи сафлоровидной), мыльнянки лекарственной; корневищ с корнями валерианы лекарственной, девясила высокого и дягиля аптечного; корней одуванчика аптечного, алтея лекарственного и многих других?

Не забывайте и о том, что кукурузные рыльца очень ценное лекарственное сырье, а времени на их сбор осталось в обрез. То же самое можно сказать и о спорах ликоподия (плауна булавовидного), о рожках спорыньи.

Сентябрь в основном — месяц сбора корней и плодов-целителей. Но есть еще несколько растений, цветы и траву которых сейчас собирают. Это бутоны (цветы) полыни, траву анабазиса безлистного да хвойника среднего и хвощевого (эфедры). Как видите, на полях, болотах и в лесах работы вам еще много. Не упустите время!

Желаем успеха!

«ЦЕНТРОКООПЛЕКТЕХСЫРЬЕ» ЦЕНТРОСОЮЗА

ВЕРНУЛСЯ

Лосенок бродил по тайге, познавая этот огромный мир. То он совал свой нос в мох, то тыкался им в пожухлые кустики брусники. Ему хотелось есть, и он искал еды. Он даже попытался что-то пожевать, но тут же выплюнул: горько.

Лишь спустившись к реке, несмело коснулся чуткими волосатыми губами воды. Холодная влага не только утолила жажду, а и бодрящей силой разлилась по всему телу. И он снова и снова, широко расставив тонкие, узловатые в коленках ноги, припадал к холодным струям реки и жадно пил, причмокивая мягкими и толстыми губами.

За этим занятием и застал его рабочий совхоза «Заря» Ульян Бочкарев. Увидел, остановился, подумал: коль малый здесь, значит, и матка должна быть где-то поблизости. Туда-сюда глазами пошныряя — никого. Решил: видимо, беспризорный. А коль так, то может и пропасть сосунок ни за грош.

— Фьють! — негромко, но резко свистнул Ульян, не сходя с места.

Лосенок вздрогнул и отпрянул от воды, чудно перевернувшись на ногах через бок, как кузнечик. И тогда человек медленно двинулся на него, широко раскинув руки в стороны.

— Да не бойся ты, дурачишка несчастный...

А лосенок и не думал бояться: стоял себе на расставленных длинных ножонках перед ним — и все. Только насупился, как будто почувствовал на своем лбишке рога, и попытался защититься ими от неведомого ему существа.

А Ульян все ближе подбирался к нему. И вот уже сцапал его, дрожащего и худенького. Лосенок особенно не сопротивлялся, но головой мотал отчаянно.

— Есть ведь хочешь, горемычный, — проговорил Бочкарев и пошагал с лосенком по береговой тропинке.

Пронес он его чуть ли не через весь поселок до дому.

Вот уж было радости-то!

Тут же перед таежным гостем появилась целая миска молока с кусочками белого хлеба. Ткнулся несмышленыш в металлическую посудину, обнюхал содержимое и зачмокал, аж бока завздрагивали.

Хозяйка забеспокоилась было о добавке, но Ульян предупредительно заметил:

— Хватит пока. Сразу нельзя, а то объестся...

Не минуло и часа, а к дому Бочкаревых сбежалась ребятня чуть ли не со всех улиц поселка. Все с вопросами к хозяину: как, да что, да где? Попробуй-ка ответить на все и всем сразу. Но Ульян — отец троих детей — понимал, что такое дети, и отвечал на все вопросы с охотой и доброй выдумкой.

— Где поймал, спрашиваете? Да я его и не ловил вовсе. Сам он ко мне подошел и на руки попросился. Поднял головенку, посмотрел в глаза и молвил: «Дя-дя!»

Рис. В. Прокофьева

Ну, я тут все и понял. Взял его и принес домой, как видите, целехоньким...

Кто-то верил, кто-то нет. Это уж все зависело от возраста и воображения.

А лосенок тем часом нырнул под занавеску возле печки, облюбовав уголок потемнее, прилег на какую-то тряпицу и мигом уснул, ровно посапывая.

За месяц он — а назвали его Семкой — солидно подрос и окреп. Шерсть на загривке заметно погустела и потемнела. Ребрышки ушли глубоко под кожу.

Ночевал он теперь в стойле вместе с коровой — своей кормилицей. Именно с ней, Пятнашкой, он особенно и сдружился. Куда она — туда и он. А когда он долго отсутствовал, резвясь с ребятишками где-то за поселком, корова, возвратясь с пастбища, протяжно мычала.

Да и Семка скучал по ней, коль уж влетал в стойло даже после недолгой разлуки как бешеный и с ходу припадал к ее вымени.

Так вот и рос он, никому не мешая, всех радуя. И все же вопрос о его судьбе встал в семье Бочкаревых со всей серьезностью: что же с ним делать дальше?

Долго спорили и решили отпустить Семку в тайгу.

В последних числах сентября подули зябкие ветры и принесли с собой черные тучи. Снег повалил густой, и через несколько дней вся земля потонула в тяжелых метровых сугробах.

Впрочем, такую зиму Ульян угадывал еще в конце лета, потому что бурьяны вознесились высоко, а это верный признак, что будет много снега, да и осот вытянул здорово, что сулило скорые морозы.

— Ох, скопытится наш Семка-то! — обронила как-то мать, тревожно поглядывая на мужа.

— Скопытиться, может, и не скопытится, а наголодается определенно, — отозвался Ульян. — Снегу-то вон сколько наворочило. А из-под таких толщ попробуй-ка добудь ее, питательную-то кормежку. — Но, подумав, добавил: — Да ничего, как-нибудь перебьется, чай, не домашний телок, хотя и напитан коровьим молочком, а таежный зверь — сообразительности не занимать...

Вспомнили, по малой перекинулись словами, да на том и утихомирились. А что они могли переиначить? Ведь не пойдешь же в тайгу разыскивать его: не пенек недвижный, а зверь ходячий.

Зима — наказанье. Едва время перевалит за полдень, как уже темнота напирает со всех сторон.

Но сегодня воскресенье, и день только-только наступил. Семейство Бочкаревых все в сборе. Каждый занят своим делом. Приятно потрескивает печь, пахнет жареным мясом, сыромятью и махорочным дымом. Тихо. И лишь за стенами гудит ветер, да в окна дробно бьет крупитчатый снег.

И вдруг — Пятнашка! Ее протяжное и напряженное: «Му-у-у!..»

Ульян вопросительно смотрит на жену.

— Ты что, корове-то ничего не давала еще?

— Как же не давала? Сыта.

— А что же это она размычалась?

— Не знаю. Сходи проведай.

Ульян накинул на плечи шубу, вышел все под то же повторяющееся мычанье. Но тут же обратно влетел в избу как ошпаренный.

— Семка припожаловал!

Повскакали со своих мест ребятишки, мать отпрянула от плиты — и все за дверь.

И правда, возле стойла стоит Семка и тычется мордой в небольшое окошечко, никогда не застеклявшееся и выполняющее роль отдушины. Ну и ну!.. Вот радости-то, аж кричать хочется на всю округу.

А он тоже ластится к ним по-своему: то одного прижмет боком к стойлу, то другого и все бьет и бьет передними копытами перед собой, как лошадка, часто подрагивая коротким хвостиком.

— Ну, здорово, Семен! — торжественно произносит Ульян и хлопает его по шее, гладит по спине.

А Семка стоит и кивает головой: здорово, мол, здорово!

— Небось наголодался на своих-то харчах, а? — вопрошает Бочкарев. — За тем и вернулся. И правильно сделал, парень. Живи! Только Пятнашку не обижай.

И тут же открыл ему стойло.

Семка так и влетел туда — и прямо к Пятнашке: как-никак старый друг. Да и только ли друг он ей? Сын, почитай!

Пятнашка от радости так хвостом замахала, что и стоять с ней рядом стало невозможно; того и гляди по глазам кому-нибудь стеганет.

— Вот ведь как оно бывает-то, а! — снова замечает Ульян. — Дикое животное, а добро человеческое ценит.

Е. ГОЛЬСКИЙ

ЧИК-ЧИРИК

Стол на четырех столбиках под большой яблоней. Он был давнишний и потемнел. Дедушка Гусенич решил его обновить. Он налил в консервную банку голубой краски и принес две кисточки. Одну мне, другую себе. И мы стали малярничать.

— Что же ты, а? — поглядел на мои руки дедушка Гусенич. — Все пальцы вымазал.

Я хотел обтереть их о траву — и не успел. С яблони упал маленький воробушек. Я взял его и положил на ладошку. Он барахтался, топырил короткие крылышки, но махать ими еще не умел.

— Видать, бойкий, — взглянул на него дедушка Гусенич. — Смелость таких оперяет быстро.

Через неделю воробушек уже летал. На спинке у него виднелась голубинка. Краска от моих пальцев, которыми я его измазал, еще не отмылась, и я птенчика узнавал сразу.

Мне захотелось с ним подружиться. Я рассыпал около крыльца горстку пшена. Воробушек слетел с ветки, клюнул — и зачирикал.

— Дедушка Гусенич, воробушек стал чирикать, — просиял я от радости.

Мы подружились с птенцом. Я выбегаю каждое утро на крыльцо, крошу остатки каши или хлеб и торопливо повторяю:

— Чик-Чирик!.. Чик-Чирик!..

Воробушек тут как тут! Теперь он стал прилетать не один, а со своими братишками. Все они озорники. Вырывают друг у друга из-под носа хлеб, дерутся... Самый же забияка из них Чик-Чирик. Он что-нибудь да натворит.

Сегодня взял вот и сел на колпачок железной трубы. Она выходит из окна нашей кухоньки. На нее надето колено. А вверху — колпачок. Он вроде грибной шляпки.

Чик-Чирик сел на него и зачирикал на весь сад.

Воробушки не успели переглянуться — Чик-Чирик был уже в трубе. Темнота охватила его со всех сторон. Он долетел до изгиба трубы, ткнулся в сажу и задрожал. И перепугался еще больше. Потом заметался в трубе и плаксиво зачирикал: «По-мо-ги-те!.. Не вы-ле-зу!..»

Воробушки-братишки скачут по железному колпачку и не знают, что им теперь делать. Чик-Чирик зовет их на помощь, а им самим страшно. Кружатся около трубы, кричат: «Мы тебе говорили!.. Мы тебе говорили!..» — а в трубу прыгать смелости у них не хватает. Старая воробьиха услышала их крик, подлетела — и ахнула.

Я тоже голову вверх. А воробьи кричат и все время заглядывают в трубу. Подбежал я к трубе, прислушался, а в ней Чик-Чирик плачет. Я бросился со всех ног в дом и закричал:

— Дедушка Гусенич, Чик-Чирик в трубу провалился!..

Он вошел в кухню и открыл в печке дверцу. В трубу хлынул свет. Чик-Чирик метнулся к дверце и вылетел. Покружился с перепугу под потолком, потом в окно — и на ветку. Сел и зачирикал: «Смотрите, какой я смелый!»

«Кто это такой черный? — спрашивают воробушки свою мать. — Чумазый, а чирикает как мы».

«Ваш братишка», — сказала старая воробьиха.

Потом подлетела к нему и стала его ругать — расчирикивать. Ругает, а сама рада... Молодые воробушки подпорхнули к своему братишке, спрашивают наперебой: как там, в трубе, и как он из нее выбрался.

Чик-Чирик позабыл даже про былой страх. Нос задрал и хвалится: «Смотрите, вот я какой смелый!»

Дедушка Гусенич усмехнулся, погрозил ему пальцем и сказал:

— Разумная смелость города берет, а озорство до добра не доводит. Помолчал бы да отряхнулся от сажи.

Чик-Чирик прикусил язычок — и в кусты! Второй раз в трубу он лезть уж не собирается.

Г. БАЛДИН, П. СОСКОВ

КРОХАЛЬ

Мы спускались вниз по Алдану. Лодка быстро неслась по закрученной в тугие спирали воде. Мой постоянный таежный спутник Борис, закутавшись в ватник, дремал на ящиках с образцами горных пород. Было холодно. Яркая красно-желтая сибирская осень сменилась серой непогодой. Низкое, мрачное небо спустилось на горы по берегам Алдана. Стаи перелетных птиц, встревоженных холодами, кружили над рекой.

Вечерело, когда впереди показался заросший лиственницей остров. Я направил лодку в ближнюю протоку. Протока оказалась узкой и мелкой, под лодкой в красновато-бурой прозрачной воде замелькало каменистое дно. Берег, еще недавно такой далекий, был совсем рядом. Внизу у реки он словно вымощен гладким булыжником. Сквозь камни пробивалась пожелтевшая от заморозков трава. Выше начинались густые заросли ивняка, засыпанные тем древесным мусором, который всегда оставляет большая вода.

— Здесь надо ждать уток... Или, может быть, гуси подвернутся. — Борис потянулся за ружьем, хотя протока казалась совсем пустынной.

Внезапно в маленьком заливчике мелькнули два силуэта. Высокие серебристо-серые птицы повернули головы навстречу опасности, но было уже поздно. Грохнул выстрел, затем второй, горохом рассыпалась по воде дробь. Я успел заметить, как качнулась от удара свинца гибкая прямая шея. Есть!.. Мы торопливо гребли в заливчик, к берегу. Шумно хлопая крыльями, птицы поднялись над водой. Это были не гуси, как показалось нам сначала, а похожие на них крупные утки крохали. Мясо у них, хотя и съедобно, сильно пахнет рыбой.

Птицы взлетели, и сразу стало видно, что одна из них подбита. Она резко нырнула вниз, и тотчас вторая повторила ее движение. Стремительно, почти слившись вместе, понеслись крохали над землей — все ниже и ниже, — и здоровая птица словно пыталась удержать в воздухе падающую. Еще миг — и один крохаль тяжело ударился о каменистый берег. Второй немедленно опустился рядом.

Мы с Борисом продирались на берег, спотыкаясь о валежник и с треском ломая сухой плавник. Я вырвался из зарослей и вдруг остановился.

Крохали сидели совсем близко. Раненая птица бессильно поникла, склонив изящную маленькую голову и распустив крылья. Она медленно валилась на бок и, наверное, упала бы, если бы рядом с ней, тесно прижавшись, не стоял селезень. Он неуклюже переступал широкими гусиными лапами, пытаясь поддержать свою умирающую подругу. Они были так заняты собой, что, казалось, не замечали людей.

Борис уже подбегал к крохалям. Громко, пронзительно крикнул селезень и шарахнулся из-под самых сапог в кусты. Коротко и безнадежно отозвалась — в последний раз — раненая птица. У нее еще хватило сил вскинуть голову на перебитой шее, и я увидел ужас, застывший в оранжевом птичьем глазу.

— Даешь ужин! — весело заорал Борис, орудуя прикладом. — Жаль, второй удрал. Я думал, он тоже готов! А что мясо рыбой пахнет, не страшно! Сварим,

воду сольем, еще раз прокипятим — ужин будет на славу!

В глазах у меня стояли, прижавшись друг к другу как на старинной фотографии, стройные серебристо-серые птицы.

— Нет, Борис, — сказал я с досадой, — ешь сам свою утку, а я рыбного запаха не переношу.

Мы заночевали на острове, но спали плохо. Шумела река, стучал осенний дождь по крыше палатки, и всю ночь в кустах над берегом надрывался и плакал крохаль.

А. ПОРТНОВ

«ГРОЗА».

Георгий Шмельков.
Пензенская область

Наша обложка:

И так иногда кошка встречает хозяина (1-я страница обложки). На четвертой странице — далматский сеттер.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Главный редактор А. А. ВИНОГРАДОВ

Редколлегия: Булгаков Л. Н., Корчагина В. А., Клумов С. К., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Щукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук, профессор Н. А. Гладков

Художественный редактор **А. А. Тюрин**
Технический редактор **Г. В. Каплан**
Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 5/VII 1972 г. Подп. к печ. 3/VIII 1972 г. А06986. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 2 000 000 экз. Заказ 1329. Цена 20 коп.

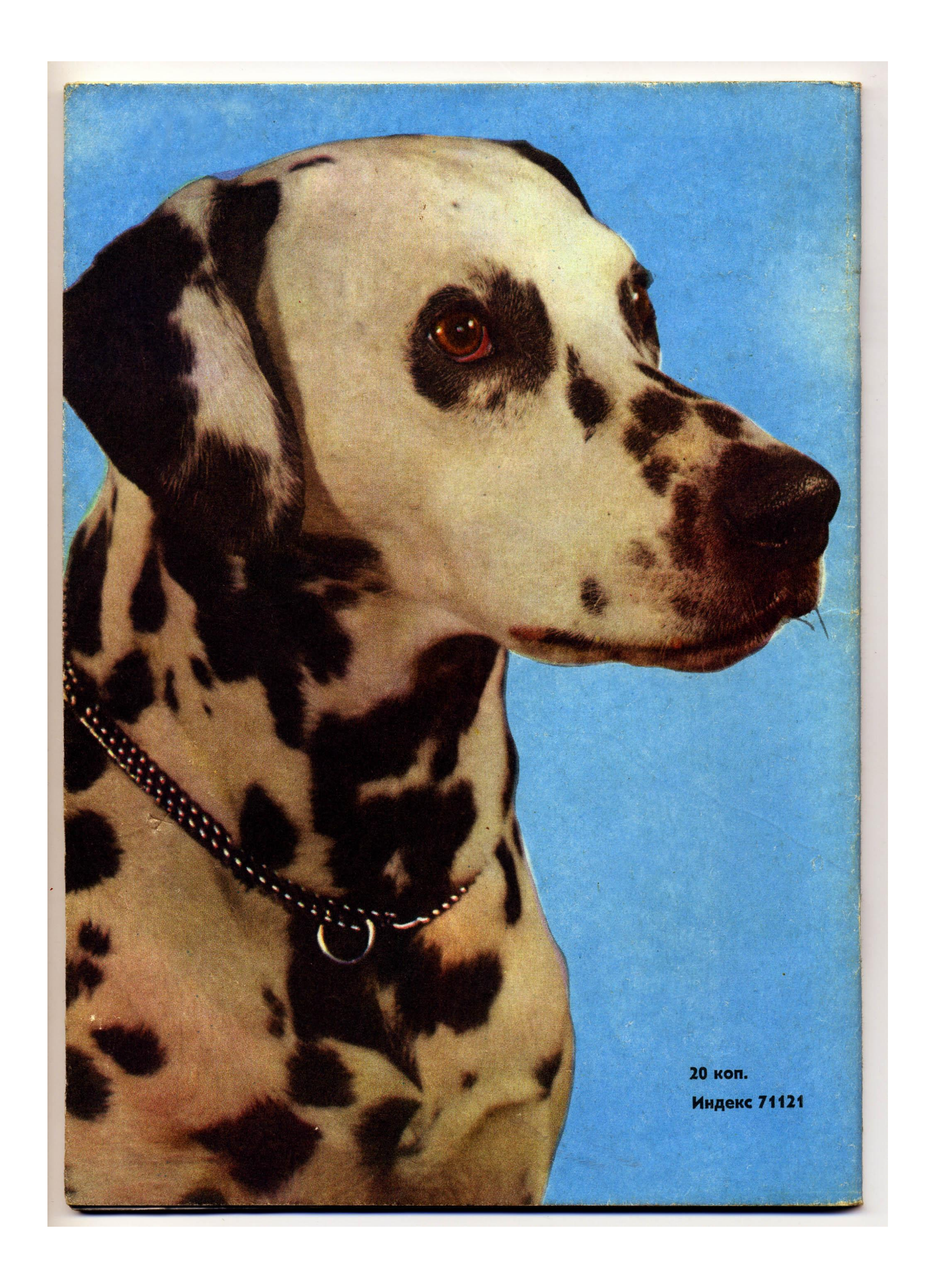
Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

«ТИХИЙ ВЕЧЕР».

Наташа Тараканова
г. Комсомольск-на-Амуре

20 коп.
Индекс 71121